„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern. 1. mk. (6 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 1-2 (381-382)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bâf. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux: Le Courrier Socialiste — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

17 Января 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Дело мира на пороге Нового года.
Ф. Дан. Перспективы социалдемократической работы.
П. Гарви. Удар налево и направо (Перед новым процессом).
А. Югов. Конституция и социальные компромиссы.
И. Греков. Благодарность «Правде».
С. Шварц. Угроза праву убежища.

Партийная трибуна: О. Доманевская. К социализму или к термидору?

Заграницей: Испания — Социалистическому Интернационалу. В Соц. Интернационале Молодежи.

У. З. Как подготовлялся московский процесс? (Из письма старого большевика).

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Фельетон: В. Александрова. Пушкин и советское общество.

Дело мира на пороге Нового Года

Новый год начался под знаком усиленной дипломатической активности и новых международных осложнений: рождественские торжества, даже в сочетании с вновь разрешенной «новогодней» елкой в Советском Союзе, не принесли Европе того мира на земле, которого так жаждут все народы.

Англо-итальянское «джентельменское соглашение» от 6-го января многие встретили со вздохом облегчения. Могло казаться, что ликвидация тех обостренных отношений, которые установились между Англией и Италией со времени абиссинского конфликта, будет способствовать делу мира и в частности оторвет или хотя бы отдалит Италию от блока с Германией, который все яснее и яснее вырисовывался, как очаг военной опасности. Но на следующий день после подписания «джентельменского соглашения» во всей прессе появилось сообщение о 10.000 итальянских добровольцев, отправляемых в Испанию. Трудно предположить, чтобы в тех переговорах, которые предшествовали подписанию «соглашения», не была предусмотрена испанская проблема. Еще труднее представить себе, чтобы Италия на следующий же день после подписания этого «соглашения», устанавливающего общую линию поведения, в частности и в испанском вопросе, позволила себе просто издеваться над таким контрагентом, как Англия. Это помимо всего прочего было бы просто неостроумно с итальянской точки зрения. Ибо «джентельменское со-

глашение», в отличие от формального договора, характеризуется именно нарочитой неопределенностью и расплывчатостью взятых на себя обеими сторонами обязательств: степень их истолкования каждой стороной в духе заключенного соглашения определяет степень верности этому соглашению и другой стороны. Какой же смысл имело для Италии так долго и так упорно добиваться этого соглашения с Англией, гарантирующего ей спокойное «освоение» абиссинской добычи, если она тут-же совершает акт, который своей нелояльностью освобождает и Англию от принятых ею на себя обязательств, т. е. фактически аннулирует только что заключенное соглашение?!

Но тогда приходится притти к заключению, что активное участие Италии — в известных пределах — в разрешении испанской проблемы входит в общую программу англо-итальянского соглашения. И эта общая программа соглашения повидимому ориентируется на победу Франко...

Если это предположение оправдывается, то оно является лишь одним звеном в той цепи других косвенных признаков, которые давно уже можно было отметить в испанской политике Англии. Лондонские Сити и правительство Болдвина не желают победы «большевизма» в Испании. Их симпатии все время на стороне Франко. Но они только не желают, чтобы восстановление «буржуазного правопорядка» в Испании послужило для гит-

леровской Германии поводом и мостом для укрепления своих позиций на Пиренейском полуострове и в Северной Африке. Может быть, именно для этой цели Англии пригодится итальянский экспедиционный корпус в Испании...

Но за это время события снова осложнились. Французские власти в Марокко получили сведения о концентрации германских «добровольцев» в испанском Марокко. Германские агенты давно уже развивают там лихорадочную пропагандистскую деятельность среди туземного арабского населения и организуют отсюда националистическо-сепаратистские арабские движения против Франции. С другой стороны, французская печать сообщает о новых укреплениях, возводимых германскими инженерами в Цеуте, и об установке там дальноточных орудий, могущих обстреливать Гибралтар. Под влиянием всех этих событий произошла необычайная активизация французской дипломатии. Французский посол в Берлине был вызван в Париж; резидент Марокко, ген. Ногэс выехал на место происшествия. Представитель французского правительства в Тетуане сделал чрезвычайно энергичное «представление» «верховному комиссару» испанских вооруженных сил, подчиненных генералу Франко. Официальное французское сообщение кончается недвусмысленной констатацией, что испанские власти Тетуана «отдают себе отчет в тяжелых международных последствиях, которые повлечет за собою высадка иностранных контингентов на каком-нибудь пункте Марокко». — Эта констатация становится особенно выразительной, если вспомнить, что как раз в этот момент наступила пора «очередных морских маневров» у берегов Марокко, и туда отправлена внушительная французская эскадра в составе трех больших броненосцев, большого количества легких крейсеров, подводных лодок, авиоматов и воздушных эскадрилий...

Французская печать, комментируя эти шаги, вызвавшие, как легко себе представить, необычайный взрыв бешенства в Берлине, ссылается на тесное единение и согласие с Англией. Характерно, однако, что английская печать не проявляет ни малейшей нервозности по поводу раскрытых французскими властями германских происков в Марокко. Как сообщает «Тан» от 12-го января, в Англии склонны оценивать положение «спокойно» и даже не без легкой иронии: ответственные представители английского правительства выразили скептицизм по поводу укреплений в Цеуте, и официальная английская нота от 11-го января запрашивает у французского правительства доказательства в «германской инвазии» в испанском Марокко. Германские дальноточные пушки угрожают укреплениям Гибралтара — этого верного стража целостности Британской империи, а правительство Болдвина позволяет себе иронизировать над этой опасностью! Не значит ли это, что английское правительство располагает достаточно реальными (итальянскими?) гарантиями того, что германские пушки в Цеуте не будут стрелять по гибралтарским фортам?

Но к этой картине прибавляется еще один штрих: того же 11-го числа английское правительство, отправив циркулярную ноту заинтересованным великим державам с запросом относительно общего соглашения о запрете посылки добровольцев в Испанию, тут же издает, не дожидаясь ответа, запрещение (под угрозой тюремного наказания до двух лет) вербовки добровольцев и добровольной записи в «иностранные войска». Как правильно указывают не только рабочий орган «Дейли Геральд», но и либеральная газета «Ньюс Кроникль», этот запрет играет на руку Франко, давая Германии и Италии добавочный срок на усиленную посылку «добровольцев» впредь до подписания общего

соглашения, момент которого фашистские державы могут оттянуть еще на довольно значительное время.

Из указанных отдельных элементов складывается, как мозаика, довольно однозначная политика английского консервативного правительства в испанском вопросе.

Но французское правительство Народного Фронта, справедливо видя в образовании англо-французского блока самую серьезную гарантию против фашистской агрессии, всю свою международную политику до сих пор строило на приспособлении к Англии. Провозглашенную Блюмом в августе прошлого года политику «невмешательства» в испанские дела нельзя понять и объяснить, не учтя этого момента. Но не слишком ли далеко заходит это «сотрудничество» с Англией? Не превращается ли оно в прямое подчинение своекорыстной и узко-капиталистической политике консервативного правительства Болдвина? Вот вопрос, который все больше и больше начинает беспокоить всех друзей мира и Франции Народного Фронта.

В беседе между Кларком, британским послом в Париже, и Вьено, помощником статс-секретаря французского министерства иностранных дел, было условлено, что и французское правительство внесет в парламент закон о запрещении — на всем пространстве французской республики — вербовки и отправки добровольцев в Испанию. Неужели будет повторена роковая ошибка первых дней «невмешательства», связавшая Францию в тот момент, когда фашистские государства еще никакими соглашениями не были связаны? Неужели Франция Народного Фронта через промежуточный механизм англо-итальянских «джентельменов» превратится в косвенного пособника Франко?

Категорические заверения «Попюлэр» позволяют надеяться, что этого не будет, и что Франция, во всяком случае, не пойдет ни на один серьезный шаг, не обеспечив себя реальными гарантиями, что и «вторая сторона» будет лояльно соблюдать подписанные ею обязательства.

В свете последних событий и в частности столь энергичного французского «представления» в Тетуане, которое взбешенная берлинская печать сравнивает с «прыжком пантеры» Вильгельма II, можно теперь экспериментально установить, насколько искренни и обоснованы были те запугивания «германской войной», при помощи которых французская правая в союзе с английской дипломатией добилась в прошлом августе присоединения Блюма к политике «невмешательства». Почему, когда речь зашла об угрозе французским колониям, пресловутая опасность войны оказалась столь незначительной, что власти с легким сердцем пошли на риск энергичных мероприятий и даже морской демонстрации у марокканского побережья? Почему французское правительство теперь позволяет себе грозить «тяжелыми международными последствиями»? Какие основания имеет оно предполагать, что такая политика сейчас не вызовет войны с Германией, в то время, когда гораздо менее опасные шаги в августе прошлого года казались ему столь опасными для дела мира?!

На самом деле, конечно, Германия не пойдет на войну сейчас, как не пошла бы и в августе. Тяжелая моральная жертва французского невмешательства, столь сильно подорвавшая в испанских массах моральную основу демократии и демократического социализма, бы-

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

ла, как теперь доказано экспериментально, бесполезной и ненужной для дела мира. Французская демократия Народного Фронта должна найти в себе достаточно сил, чтобы противостоять корыстным маневрам британской капиталистической дипломатии и давлению французских буржуазных слоев, не переставших даже сейчас, в момент отплытия французской эс-

кадры в Марокко, упорно добиваться расширения вывоза французского железа... в Германию, где оно на пушечных заводах Геринга и Круппа превратится в орудия и гранаты против Франции.

Политика правительства Блюма в эти решающие дни будет иметь неисчислимые последствия и для судеб социализма в Европе.

Ф. ДАН.

Перспективы социалдемократической работы

Начинающийся год будет годом, когда вступит в действие новая конституция, когда на практике начнет выясняться ее значение для всего дальнейшего развития советской жизни, и когда нашей партии придется учесть это значение в своей работе.

Предвосхищая события, Заграничная Делегация нашей партии еще 8 октября признала, что «о с н о в н а я задача партии в настоящий момент заключается во всестороннем содействии рабочим массам в их попытках использовать легальные рамки новой конституции для отстаивания своих интересов».

«Чтобы положить начало такого рода партийной работе и стимулировать ее», ЗД и со своей стороны тогда же обратилась к Чрезвычайному Советскому Съезду с Открытым Письмом (см. «С. В.», № 20 за прошлый год), в котором изложила свой взгляд на значение, которое может приобрести новая конституция в современных международных и внутренне-политических условиях, и поставила борьбу за «развитие и укрепление свободной организационной самостоятельности и политической активности трудящихся масс» в центр той работы, которую социалдемократия попытается вести в «легальных рамках новой конституции».

Занимая такую позицию, партия была и остается свободна от каких-бы то ни было «конституционных иллюзий». Она не поддавалась и не поддается соблазну принять новую конституцию, как начало добровольной самоликвидации единоличной сталинской диктатуры, как первый акт ее добровольного «отречения от престола» в пользу демократии.

Но, учитывая ту мировую и внутри-политическую обстановку, в которой родилась новая конституция и которая вызвала ее провозглашение, наша партия приходит к убеждению, что в новый, переживаемый ныне период русской революции в трудящихся массах, и особенно — в рабочих массах, назревает и все более будет назревать потребность в организованном отстаивании своих интересов, и что потребность эта побудит их ухватиться за те «легальные возможности» отстаивания этих интересов, которые — впервые за последние 10-15 лет! — дает им новая конституция.

Спору нет, «возможности» эти очень невелики. Но они имеются. Это, во-первых, демократическая «идеология» новой конституции, стоящая в таком кричащем противоречии с «идеологией» и, еще больше, с практикой единоличной диктатуры. Конечно, это только «идеология». Но идеи становятся силой, и силой несокрушимой, когда они овладевают массами и массы овладевают ими. Противоречие и в этом случае окажется огромной движущей силой. Это, во-вторых, и прежде всего, «тайна» выборов. Конечно, и «тайна» не даст возможности недовольным массам выставить и проводить своих кандидатов. Но она даст им, по край-

ней мере, возможность высказывать свое отрицательное отношение к наиболее ненавистным навязанным кандидатурам. Она даст им — и это самое главное — возможность, если не белыми шарами, то «черняками» считать свои силы. Но считать свои силы — это значит перекликаться с единомышленниками. Это значит не только констатировать рост их числа, но и стимулировать этот рост, создавать важнейшую предпосылку сплочения и организации.

Да, «легальные возможности» весьма ограничены, а единоличная диктатура будет делать все, чтобы окончательно свести их на-нет. Но их конечная судьба зависит все же не от одного желания диктатуры. Она зависит также — и в гораздо большей степени! — от силы массового напора. Организовать этот напор, помочь массам овладеть немногими находящимися в их распоряжении «возможностями», чтобы превратить их в настоящее орудие борьбы за отстаивание своих интересов — такова естественная задача социалдемократии. Учет мировой и внутренне-политической обстановки говорит за то, что в Советском Союзе, на 20-м году революции задача эта отнюдь не безнадежна. Наихудшую услугу трудящимся массам и самой себе оказала бы поэтому социалдемократия, если бы, под предлогом крайней ограниченности и крайней шаткости «легальных возможностей», посоветовала массам с самого начала махнуть на них рукой и отказаться от борьбы, еще не начав ее. Только будущее покажет, насколько успешной может быть эта борьба. Но, в противоположность капитуляции без борьбы, поражение в борьбе само создает факторы будущих побед...

Основной политической задачей нашей партии была и остается демократизация советского режима. Здесь незачем еще раз перечислять причины, побуждающие нашу партию самым решительным образом отвергать революционное свержение этого режима. Незачем и указывать снова те факторы международно- и внутренне-политического порядка, которые позволяют и сейчас еще, вопреки «тоталитарности» сталинской диктатуры, считать демократизацию советского режима, т. е. демократическое реформирование его социальными силами, положительными узлами связанными с большевистской, «советской» революцией, исторически возможной, — об этих факторах я еще недавно имел случай говорить в серии своих статей о «путях возрождения» (см. «Соц. Вестн.» № № 14/15, 16 и 17 за 36 г.). Опять-таки лишь будущее покажет, претворится ли эта историческая возможность в историческую действительность. И опять-таки лишь борьба за такое претворение создаст — в случае поражения — предпосылки для скорейшего возрождения классового, социалистического рабочего движения в новых условиях и в новых формах, диктуемых этими, пока несуществующими и неведомыми условиями.

Сейчас вопрос стоит лишь о том, будет ли борьба

трудящихся масс за использование «легальных возможностей» советского режима, создаваемых новой конституцией, для отстаивания своих интересов, фактором демократизации этого режима. Постановление ЗД и ее Открытое Письмо отвечают утвердительно на этот вопрос.

Было бы, конечно, чистейшей фантастикой ожидать, что трудящиеся массы Советского Союза, каковы они суть в результате почти двух десятилетий революционного процесса, вступают в эту борьбу с развернутой и отчетливо формулированной программой политической демократии. Борьба начнется внизу, на местах, вокруг самых элементарных, материальных и бытовых интересов и требований этих масс. Но те международно- и внутренне-политические условия, в которых эта борьба будет протекать, дают основание предполагать, что она очень скоро подведет трудящиеся массы к центральной проблеме демократизации режима — к проблеме их организационной самостоятельности, и через эту проблему — к общим вопросам государственного устройства, к демократическому самопротивостоянию масс убивающему их самостоятельность режиму единоличной диктатуры.

Всем вышесказанным определяется, так сказать, «генеральная линия» той работы в «легальных рамках конституции», к которой постановление ЗД зовет российских социалдемократов. Лишь практический опыт покажет, какие конкретные формы сможет принять эта работа. Но несколько общих соображений об этих формах я считаю возможным и небесполезным высказать уже сейчас, предоставляя, конечно, окончательную оценку этих соображений тем товарищам, которым придется действовать «на местах».

**

Первая проблема, с которой мы столкнемся, пытаясь наладить новые формы работы, есть проблема организационная.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Пушкин и советское общество

Советская страна деятельно готовится к столетию со дня смерти Пушкина. Совнарком СССР утвердил грандиозную программу «мероприятий по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта». И без того огромная литература о Пушкине обогатилась рядом больших и ценных монографий, документов эпохи, воспоминаний и художественных произведений, изображающих отдельные периоды жизни поэта. По распоряжению правительств всех союзных и автономных республик созданы Пушкинские комитеты и комиссии не только в Ленинграде, Москве и в ряде других крупных центров, но и во многих районах, на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах, в высших учебных заведениях и в школах. Улицы во многих городах срочно переименовываются в Пушкинские. С 15 декабря по 1 февраля проводится специальный цикл Пушкинских радиопередач. Ознаменование памяти Пушкина по мысли руководителей советской политики должно принять «всенародный характер».

Пройдем мимо чванливых подчеркиваний официальной печатью «щедрости» ассигнований правительства; мимо многочисленных статей больших и малых Бубновых и Косаревых, тщавшихся высечь из своих усохших сердец искорку лирического волнения, — популяризацией Пушкина делается сейчас воистину большое и нужно культурное дело.

Даже при беглом просмотре того, что пишется сей-

Полицейские условия Советского Союза исключают в данный момент возможность выступать открыто под партийным знаменем. Эту возможность наша партия еще должна завоевать себе и сможет она ее завоевывать лишь в меру того, как массам трудящихся будет удаваться завоевывать свободу организационного и идейно-политического самоопределения: «легализация» нашей партии может быть лишь производным от «легализации» свободной самостоятельности масс.

Те же полицейские условия, но и состояние нашей собственной партийной организации в результате двух десятилетий развития революции в оболочке террористической диктатуры, не дают возможности начать новую работу и сколько-нибудь централизованно. Фактором, который решит судьбу этой работы, будет инициатива товарищей на местах — тех сотен, а может быть, и тысяч рабочих-социалдемократов, которые и в организационном распылении не порывали идейной связи с партией.

Сохранению и укреплению этой связи служила вся работа наших партийных учреждений и ячеек за последнее 15-летие. В нем был главный, можно сказать — единственный смысл существования «Социалистического Вестника», сознательно ставившего себе задачей — в период вынужденного замирения политической практики партии не дать замереть и заостенеть ее политической мысли, помогать ей двигаться вперед вровень с бурным развитием событий и подготавливать таким образом способность партии оказываться на высоте задачи в тот момент, когда обстоятельства позволят ей начать возвращение к насильственно прерванной практической работе.

Момент этот приближается. Все говорит за то, что предстоит известное пробуждение массовой энергии. Это пробуждение не сможет не стимулировать активность тех социалдемократов-одиночек и тех микроскопических социалдемократических ячеек, которые рас-

час о Пушкине, приковывает к себе внимание тот факт, что в стремлении оживить память великого русского писателя совпадают желания официальных руководителей советской политики и всей передовой части советского общества. Вся новейшая литература о Пушкине точно пронизана ощущением, будто, порастрашись на колдобинах и ухабах долгого пути, молодое советское общество выезжает на просторный, укатанный большак и, завидя вдали Пушкинский дом, радуется ему так, как если-бы это был давно взысканный отчий дом. В советской действительности Пушкин оказался тем привалом, у которого можно законно отдохнуть от славословий гениальному Сталину, от обязательных цитат из «ленинизма-сталинизма», от всей приевшейся казенщины и просто поразмыслить над собой и своей судьбой.

Но что-же в облике Пушкина было такого, что и сегодня, через сто лет со дня его смерти, после двадцати лет величайшей революции, перепахавшей до основания всю страну, делает его вновь и интимно близким молодому советскому обществу?

Среди бесчисленных воспоминаний о Пушкине, появившихся еще в дореволюционное время, два свидетельства особенно выпукло оттеняют значение поэта для его времени. В первые дни после его смерти печать находилась под таким гнетом цензуры, что не ре-

сеяны в массах и живут одною с ними жизнью. Размахом, продуманностью, политической целесообразностью той инициативы, которую сумеют в этих условиях проявить разбросанные по всей стране пионеры социалдемократического возрождения, будут измерены значение и успех той идейно-политической работы, на которой партия по необходимости почти исключительно сосредоточивалась за последнее 15-летие.

Теперь предстоит известное изменение самого характера партийной работы.

До сих пор речь шла об идейно-политическом самосохранении (которое, разумеется, было осуществимо лишь как идейно-политическое развитие). Работа партии была обращена почти исключительно внутрь ее самой. Вне партии была доступна лишь пропаганда (письменная и устная), притом лишь в крайне ограниченном кругу «верных» людей, которым можно дать «Социалистический Вестник» или высказать критическое социалдемократическое слово без опасения немедленного провала.

Разумеется, и сейчас не может еще быть речи о переходе к агитации, к попытке непосредственно руководить действиями масс. И сейчас работа наших товарищей-одиночек на местах должна будет носить преимущественно пропагандистский, разъяснительный характер. И сейчас она по необходимости будет обращаться не к массам, а лишь к весьма узкому кругу лиц. Но самый характер и содержание пропаганды должны будут претерпеть известное изменение. Задачей ее будет уже не только и даже не столько сообщение пропагандируемым известного круга общих взглядов и политических идей, сколько выяснение тех условий и возможностей, при которых эти взгляды и идеи могут частично получить практическое осуществление. Поскольку социалдемократия лишена пока возможности непосредственного общения с массами, задачей ее пропаганды будет, естественно, становится пре-

вращение пропагандируемых в соединительное звено между нею и массами, выработка из них действительных организаторов непосредственного действия масс «в легальных рамках конституции» *).

Достаточно так поставить вопрос, чтобы увидеть, какой громадной инициативы, какого умения, какого знания всех условий борьбы, какого самообладания и какой идейно-политической выдержки потребует такая пропагандистская работа от наших товарищей на местах, предоставленных каждый лишь собственным силам, — и в то же время понять, почему только эти товарищи, кровно связанные с окружающим их миром, могут взять на себя почин работы и найти для нее подходящие пути и формы.

**

Возрождения массовой энергии и массовой борьбы надо ожидать, как я уже неоднократно имел случай говорить, вокруг самых элементарных вопросов материального и бытового порядка. Связь этих вопросов с общими вопросами государственного режима от масс зачастую еще ускользает. Ее понимание затрудняется для них и большевистской монополией на печать, и тем специфическим направлением, какое нарочито придается так называемой «самокритике». Для разрешения этих элементарных вопросов массы и попытаются прежде всего использовать те «легальные возможности», которые дает им новая конституция. Выборы в местные и низовые советы, с точки зрения стимулирования массовой энер-

*) Я еще раз подчеркиваю, какое важное значение приобретает для нас с этой точки зрения широкий слой тех молодых и активных организаторов советского хозяйства, администраторов и пр., которые, и выдвинувшись в «знатные люди», не дали коррумпировать себя орденами и подачками и сохранили интимную связь с теми трудящимися массами, из которых вышли.

шались помещать сочувственных статей о Пушкине. Только редактор «Литературных Прибавлений» к «Русскому Инвалиду» А. А. Краевский рискнул поместить ставшую исторической заметку «Солнце нашей поэзии закатилось!.. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!» Второе свидетельство записано А. В. Никитенко со слов своей жены. Она возвращалась из Могилева и на одной станции, «неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь лошадей и скакать дальше с гробом». На вопрос жены Никитенко, что это такое, один из находившихся поблизости крестьян ответил: «А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи — как собаку».

Внимание историка 19-го века приковывается к трем ликам русской действительности: к безглазой, тупой и страшной официальной России, к бившейся в тисках мертвящего режима новой, но еще слабой демократической общественности и к таинственной, точно заполярной, крестьянской стране, до поры до времени сумрачно и как бы со стороны глядевшей на трагический поединок между дряхлеющей властью и молодыми силами, рождавшимися в недрах старого общества. Пушкин еще при жизни стал символом и выразителем этих молодых, рвущихся к жизни, общественных сил. С его стихами на устах и в сердце вышли декабристы на Сенатскую площадь, его стихи и его привет: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье» своей лучезарной теплотой прокладывали себе незри-

мую тропинку сквозь льды и снега Сибири к сердцам одиноких революционеров...

Позвольте, — настожится иной педант, — но Пушкин ведь не только автор оды «Вольность» и «Послания в Сибирь», он автор и записки «О народном воспитании», в которой черным по белому написано: «Должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились, что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой, необъятную силу правительства, основанную на силе вешей!» Как Пушкину же принадлежат знаменитые стансы, посвященные его духовному убийце Николаю I: «Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю». Так как-же все-таки — кто был Пушкин: революционер или примиренец или, выражаясь языком нашей современности, — капитулянт? Может быть, разnochинцы-шестидесятники не так уж были неправы, когда отвергали Пушкина? Можно-ли объяснять «случайностью» то, что страна в лице передовых элементов общества систематически «забывала» своего поэта во все решающие, переломные моменты своей жизни: забыла его и в революцию 1905 года, и в революцию 1917 года? Можно-ли игрой прихотливой судьбы объяснить, что нередко, и именно тогда, когда передовое общество сбрасывало Пушкина «с корабля современности», о нем особенно пеклись власти предрержавшие (обстоятельство, которое почему-то старательно замазывают многие советские публицисты!)? Случайно ли вообще, что русское общество периодически «открывает» Пушкина либо тогда, когда все «утрачивается», либо когда ему совсем уж больше нестерпимо и хочется согреться в годину безвременья? Что значат, наконец,

гии, будут на первых порах иметь, вероятно, большее значение, чем выборы центральные. Для рабочего класса исключительное значение могут приобрести профсоюзные выборы, — конечно, если и на них будет распространена провозглашенная конституцией «тайна».

Местные и низовые советы и профсоюзы явятся, естественно, первой ареной новой работы и наших товарищей. Не говоря о бесчисленных трудностях такой работы, она сопряжена с большими политическими опасностями, поскольку, с одной стороны, все внимание масс будет сосредоточено, как уже отмечено, на элементарных вопросах материального и бытового порядка, и поскольку, с другой, для социалдемократов будет исключена всякая возможность выступления под партийным знаменем, а следовательно, и развертывания партийной платформы перед массами. Плоский «экономизм», грозящий изоляцией рабочего класса от не-пролетарских слоев трудящихся, прежде всего от крестьянства, и цеховым и групповым раздроблением самого рабочего класса, а следовательно, в конечном счете, ликвидацией его роли, как самостоятельной классовой силы в борьбе за подведение политических итогов революции; абстрактный социалистический «революционаризм», грозящий отрывом от действительного движения масс и самозамыканием; — вот две главных опасности, подстерегающие наших товарищей на этом пути*).

Пройти между этими Сциллой и Харибдой — вот ответственная задача, которая будет стоять перед нашими товарищами на первых шагах их работы. Вложиться со

*) Об опасности стирания граней между критикой социалдемократии и критикой капиталистической контр-революции я не говорю, предполагая само собою разумеющимся, что вся работа будет вестись в рамках нашей платформы, возможность такого стирания исключаящей.

всею настойчивостью и страстью в борьбу масс за удовлетворение их самых насущных требований и в то же время непрерывно толкать их мысль к разрешению поглощающих их внимание элементарных вопросов существования в духе нашей собственной политической платформы, в духе определенного понимания исторического момента, все большего усвоения неразрывной связи между судьбами мирового социализма и социализма российского, между проблемами закрепления элементов социалистического развития Советского Союза и проблемами демократизации советского режима, между демократизацией и свободой организационной самостоятельности масс, с одной стороны, сохранением революционного «народного фронта», т. е. в первую голову союза рабочих и крестьян, с другой, как необходимыми предпосылками подлинной демократизации, — вот трудная и сложная проблема, которую предстоит на практике разрешать нашим товарищам. Что ее разрешение требует много вдумчивости, такта, детального знания жизненных условий масс и обстановки, в которой им приходится бороться, но также и широкого политического кругозора, — это бесспорно. Но так же бесспорно, что она должна быть разрешена, если мы хотим в процессе новой работы интимно связаться с массами и подвести их мысль вплотную к тем основным политическим вопросам, которые ставит перед ними завершительный период российской революции и ответ на которые дает политическая платформа нашей партии.

Под этим углом зрения нашим товарищам придется подходить и ко всем остальным вопросам, которые будут вставать перед ними как в ходе избирательных кампаний, так и в процессе деятельности различного рода учреждений, избранных по но-

стихи, написанные Блоком в 1921 году в Альбом Пушкинского Дома в Академии Наук: «Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе! Дай нам руку в непогоду, Помогии в немой борьбе!»?

От этих вопросов нельзя укрыться под сень соблазнительной легенды о широте Пушкинского кругозора и ума, хотя и был Пушкин умнейшим человеком своего времени; нельзя и принижать Пушкина тем, что он де никогда не был «узким политиком», ибо хотя Пушкин и не был политиком в прямом значении этого слова, он был чем-то большим — едва ли не самым страстным современником своей эпохи. Знакомясь с кругом вопросов, его волновавших, как-то вдруг отдаешь себе отчет в том, что не каждый современник родня своему времени, что быть подлинным современником значит не столько жить сегодняшним днем, сколько в быстротекущем сегодня предугадать и нащупать проблемы исторического завтра.

Пушкин несомненно был искренним товарищем и единомышленником декабристов и до, и после декабрьского восстания. По всему своему складу и вкусам он принадлежал к той дворянской деклассировавшейся и быстро революционизировавшейся молодежи, предшественнице целой плеяды дворянских революционеров, которая в обстановке русского экономического застоя начала XIX столетия и великого порыва французской революции хотела рвануть Россию на путь прогрессивного развития. Разгром декабрьского восстания, реакция на Западе показали Пушкину и его передовым современникам их одиночество. Семья революции таились в Николаевскую эпоху в толще крепостного крестьянства. Но лучшие элементы молодого дворянства

трепетали перед призраком крестьянской революции, как «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». Испугался ее и Пушкин. Об этой боязни ярко говорят его письма к друзьям и знакомым, посвященные описанию холерного бунта в Петербурге и крестьянских восстаний в Новгородской губернии и в Старой Руссе. Но раз задумавшись над крестьянством, Пушкин не переставал интересоваться крестьянским вопросом всю жизнь, остро ощущая решающее значение его для устройства всей русской жизни.

Убоявшись перспективы крестьянской революции, Пушкин вместе с передовыми представителями своего времени стал мечтать о реформах, об отмене крепостного права «по манию царя» и приписывать идее самодержавия еще какую-то прогрессивную функцию в предотвращении стихии «русского бунта». Это не мешало ему презирать и бичевать обскурантизм, косность, лицемерие и карьеризм всех тех, кто «грудью рвался в капитаны» и «полз в ассессора». Гениальному сердцу художника присущ был какой-то нутряной демократизм. Этим сердцем ощущал он и обреченность своих реформаторских иллюзий, задыхался в тоске по иному читателю, по иным активным общественным силам. Этот глубокий, органический демократизм помог Пушкину нащупать путь к сердцу политически тогда еще аморфного городского мещанства, к сердцу широкой плебейской массы. «Медный всадник», «Домик в Коломне», повести Белкина и огромное количество стихов, проникших уже к половине прошлого столетия в городскую провинцию, — и были адресованы этому новому, политически еще не заявившемуся читателю. Глубокой социальной символики испол-

вым конституционным нормам, и разрешение которых потребует умелого приспособления к конкретной обстановке и большой гибкости.

Так, выступать в качестве партийных кандидатов социалдемократы не смогут. Но ничто не должно помешать им принимать кандидатуры и мандаты под флагом беспартийности или так называемой «советской общественности», если конкретные условия позволят надеяться на возможность вести хотя бы минимальную работу в намеченном выше направлении. Ничто не может помешать им — опять-таки с тщательным учетом всех конкретных обстоятельств — поддерживать определенные кандидатуры, значение которых заключается не столько в них самих, сколько в том, что голосование за них является в этом протеста против ненавистных кандидатур, навязываемых сверху. И ничто не должно помешать им «блокироваться» в определенных случаях и для определенной цели с другими социалистическими и оппозиционно-коммунистическими группами, стоящими, подобно нашей партии, на почве социализма, революции, демократизации советского режима и свободной самостоятельности трудящихся масс, и в частности — с так называемыми «троцкистами».

Конечно, с «троцкизмом», как он формируется в особое политическое направление в писаниях самого Троцкого, в деятельности «троцкистских» групп в различных странах и в документах зарождающегося «4-го Интернационала», нам, социалдемократам, не по пути. Никакого «центрального» соглашения у нас с «троцкизмом» нет и быть не может. Но это отнюдь не исключает возможности всякого рода местных соглашений для ограниченных и точно очерченных задач — подобно тому, как такого рода «соглашения», оформленные или молчаливые, по свидетельству т. Цилиги естественно навязываются и нам, и «троцкистам», и всем

другим социалистическим и оппозиционно-коммунистическим группам в тюрьме и ссылке.

И это тем более, что «троцкизм» в Советском Союзе отнюдь не равнозначен «троцкизму», как определенной системе политической идеологии. Популярное и известное массам имя Троцкого, как антагониста Сталина, чаще всего служит просто своего рода символом недовольства режимом единоличной диктатуры и всеми присущими этому режиму политическими, социальными и культурными атрибутами, а отнюдь не выражает солидарности с специфическими взглядами Троцкого. Бывает, что «троцкистами» оказываются даже крестьяне, не примирившиеся с насильственной коллективизацией: они забыли или не знают, что именно Троцкого можно признать духовным отцом коллективизационной политики; они помнят лишь, что конфликт Троцкого со Сталиным принял острые формы именно в период «раскулачивания» и массовой коллективизации, и этого достаточно, чтобы свою оппозицию режиму единоличной диктатуры они связывали с «троцкизмом».

Объявляя всякую оппозицию «троцкизмом» (как в свое время она объявляла ее «меньшевизмом»), диктатура, конечно, сама способствует такой популяризации троцкистского флага. Но, клеймя в то же время «троцкистско-зиновьевскую сволочь», как вредителей, изменников, предателей и агентов германского фашизма (как опять-таки в свое время, особенно в начальный период русско-польской войны, и потом, в эпоху «меньшевистского» процесса, меньшевиков — при содействии Троцкого — клеймили, как взрывателей мостов и складов, интервенционистов и агентов иностранной буржуазии), Сталинская диктатура пытается терроризировать всех недовольных и заткнуть рот всякой критике и всякой оппозиции.

Было бы величайшей ошибкой, но и величайшей нерасчетливостью дать себя запугать этой террори-

нено поэтому свидетельство современников Пушкина о том, сколько безвестного люди «пестрою толпой теснилось вокруг его гроба: женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта». И не напрасно, конечно, перетревоженный жандарм никак не мог решить, к кому относились все почести — «к Пушкину-либералу» или «к Пушкину-поэту», а царское правительство, боясь, как бы «народное изъятие скорби о смерти» не представило «некоторым образом неприличную картину торжества либералов», — трусливо, по-воровски распорядилось спешно увезти гроб с телом поэта для погребения «на родине». Испуг правительства был, может быть, не совсем необоснованным. Один из исследователей Пушкина напомнил недавно свидетельство иностранца-современника Пушкина о скоплении безвестного люда и общем возбуждении в день смерти поэта: «Если бы в России возможна была революция, она вспыхнула бы в эти дни в Петербурге».

Не только в восприятии друзей-современников Пушкин был выразителем не какого-нибудь одного класса или группы общества, а поэтом России, ярко, просто и непреложно чувствовал это и сам Пушкин. Вересаев в своей известной работе о Пушкине приводит свидетельство «Старого лицеиста», который, встретив однажды Пушкина на улице, на вопрос, где Пушкин служит, услышал в ответ: «Я числюсь по России».

Разгадку Пушкинского обаяния надо, может быть, и сегодня искать в том, что он был наиболее ярким выразителем пробуждающегося национально-

сознания. Ему чужда была идея антагонистичности социального развития. При всей своей глубокой прогрессивности и свободолюбии Пушкин не революционер. Вот почему он и отходит в тень в критические моменты русской истории, но обаяние его вновь и вновь возрождается, как только начинается новый процесс «органического» развития.

В первые годы революции, особенно в годы гражданской войны, людям было не до Пушкина. Пушкин ушел из жизни в смиренную келью ученых пушкинистов, стихами Пушкина согрелись «доживающие граждане» старого, обрушивавшегося общественного уклада. Советское общество впервые повернулось лицом к Пушкину во время нэпа, когда выдвинут был и лозунг художественного реализма, и проблема культурного наследства.

Генеральная линия вновь отодвинула Пушкина. Пятилетке было не до Пушкина. Но уже в это время у Пушкина оказался массовый советский читатель, его читала и начинала любить значительная, но политически мало оформленная часть советского общества, та «земская» Россия, которую очень условно и очень схематично можно зачислить по ведомству «правой оппозиции».

А сегодня? Сегодня, когда жизнь входит в какие-то новые берега, Пушкин впервые становится любимцем как будто всего советского общества. Но не будем обманываться этим единодушием. Оно призрачно. Достаточно сопоставить художественные произведения, посвященные отображению отдельных периодов жизни Пушкина (см. Тынянов «Пушкин», Ив. Новиков «Пушкин в Михайловском», А. Глоба «Пуш-

стической кампанией и отказываться от всяких соглашений и всяких совместных действий с так называемыми «троцкистами» на местах, чтобы не давать «предлога» для распространения этой кампании и на социалдемократию. Предлог объявить собаку бешеной у того, кто ее хочет утопить, всегда найдется, говорит французская поговорка. И меньше всего будет стеснять себя поисками «предлога» Сталинская диктатура, не остановившаяся в свое время перед инсценировкой «меньшевистского» процесса и не останавливающаяся теперь перед массовым расстрелом виднейших старых большевиков. Политический успех кампании терроризации и запугивания не остановил бы этой кампании, а, наоборот, был бы лишним поощрением для ее продолжения и «углубления»...

*

Я наметил беглыми чертами те проблемы, которые поставит перед нашими товарищами в ближайшем-же будущем та новая работа, к которой зовет их партия. Из всего сказанного выше ясно, какое историческое значение может приобрести эта, вначале мелкая и невидная, работа, какие огромные требования предъявляет она нашим товарищам и каких громадных жертв может она от них потребовать. Но я уверен, что — не столько даже в силу призыва партии, сколько по собственному почину, продиктованному героической преданностью делу освобождения рабочего класса, — они возьмутся за нее с энергией и энтузиазмом, в ясном сознании той великой службы, которую они сослужат ей российской революции, российскому и международному социализму, возрождению свободного, классового рабочего движения и возрождению своей собственной партии.

кин», Г. Чулков («Пушкин в жизни») со статьями о Пушкине официальных критиков, чтобы понять, какие разные ударения делаются в любви тех и других.

Одних пленяет в Пушкине его свободолобивый характер, его ненависть ко всякой официальнойщине, они любят «тайную свободу», которую воспевал он в самые черные годы реакции: «В обширной тяжелой стране где-то шел по верхам ветерок, подувавший на трон». Это, конечно, были лишь разговоры за стаканом вина, с длинной трубкой, набиваемой казачком. Но все же говорили «насчет глупца, вельможи злого, насчет холопа записного, насчет небесного царя, а иногда насчет земного». — Советский читатель читывается в такие характеристики обстановки, в которой жил Пушкин, и в мгновенном озарении чувствует, что для передачи этой обстановки, для воссоздания политического воздуха Пушкинского времени писателям — увы — во все не надо копаться в пыльных фолиантах старины... А официальные критики из кожи лезут вон, восхваляя в Пушкине «гармоническую личность», политический реализм Пушкинского ума, «надклассовый характер его гения». Широкие же слои трудовой интеллигенции, массовик-рабочий, служащие, зачитывающаяся Пушкиным деревня — все они любят в Пушкине то, что, действительно, было самым прекрасным качеством этого воистину народного поэта — его нутряной, радостной демократизм, так живо сейчас перекликающийся с их собственным в революции повывшимся ощущением их социальной ценности, наслаждаются искрами глубоко-человеческого, социального отношения Пушкина к миру, которые с такой щедростью разбрызгал он в своих творениях...

П. ГАРВИ.

Удар налево и направо

(Перед новым процессом).

Новая советская конституция планомерно вступает в силу. Одна за другой федеративные советские республики вырабатывают проекты своих местных конституций применительно к общим началам союзной конституции 5-го декабря. Социалистическая демократия на всенародной основе — такова по букве нового основного закона та форма, в которую должен отлиться «навечно» расплавленный металл революции.

Это — в плане формально-юридическом. А в плане политическом столь же планомерно и неуклонно совершается работа в обратном направлении, — превентивная работа выхолащивания формально закрепленных в новой конституции начал демократизма и свободы, самостоятельности и равенства. Эта работа, грозящая превратить новую, последовательно-демократическую по форме, советскую конституцию в орудие и ширму плебеситарного цезаризма на основе огосударственного народного хозяйства, тесно связана с «конституционным» инкорпорированием ВКП, как монополюющей уже *de jure*, по праву, партии, в перестраиваемое государство. В этом «сращивании» подвластной ему партии с реорганизуемым государством Сталин видит теперь вернейшее средство узаконить и увековечить собственное самовластие.

Но именно это конституционное новшество поставило неизмеримо острее прежнего проблему «монолитного единства» единственной легальной партии, как проблему государственную. Враги сталинского единовластия, вне партии находящиеся, теперь ему не страшны. Страшны враги, находящиеся внутри правящей партии, ставшей центром притяжения и ареной борьбы пореволюционных социальных сил. Чтобы подспудная и потому ограниченная в своем действии борьба «уклонов» внутри коммунистической партии не смогла развернуться в открытую политическую борьбу на арене новой демократической конституции, оказалось необходимым заблаговременно принять самые решительные меры к окончательной ликвидации всех и всяческих внутрипартийных «уклонов», «оппозиций», «фракций», «группировок» и «блоков», могущих стать центрами кристаллизации недовольства в стране.

Персонификация партийной диктатуры сделала вместе с тем истребительную войну против отдельных возглавителей внутрипартийных уклонов, как возможных соперников Сталина, сугубой политической необходимостью. Истощенные вопли о «революционной бдительности», этом стыдливом псевдониме всеобщей повинности сыска и доносительства, и о карающем мече революции выдают не только личную мнительность «вождя народов», но и политическую неуверенность диктатуры, переходящей под давлением ряда внутри- и внешне-политических факторов к более тонким, сложным и трудным методам «формальной демократии».

Эта политическая неуверенность, по мере приближения «прыжка в неизвестность», т. е. введения в действие новой конституции, переходит в нервничество, нервничание — в неуправляемый пароксизм террора. Надо застрашать все, еще не сложившие оружие или притаявшиеся, элементы оппозиции, чтобы отбить у них охоту использовать легальные возможности новой конституции хотя бы для усиления своего подпольного влияния. Надо, с другой стороны, устроить такой «показ» большевистских оппозиций, чтобы вызвать в политически неискушенных и частью девственных массах отныне

«суверенного» народа и «навечно» укрепить в них представление о том, что все оппозиции, правые и левые, находятся за чертой революционной общественности, за пределами не только большевизма, но и всей советской демократии, что это сплошь враги социализма, демократии и родины, враги народа, убийцы и бандиты, вредители и казнокрады, шпионы и диверсанты.

Первым таким «показом» был процесс Зиновьева-Каменева-Смирнова. За этим чудовищным «процессом ведьм» последовал «периферийный» процесс «контр-революционной троцкистской диверсионной группы на Кемеровском руднике». В прошлом номере «С. В.» было уже указано на особенности этого процесса: обвинение в контр-революционности было доведено до обвинения в стремлении к реставрации капитализма, обвинение в терроризме — до обвинения в преднамеренном устройстве катастроф на шахтах для массового уничтожения рабочих, «как крыс», наконец, обвинение в сотрудничестве с гитлеровской тайной полицией (Гестапо) — до обвинения в шпионской деятельности в интересах германского генерального штаба. Новосибирская судебная амальгама включала уже и немца Штиклинга.

Но вот на очереди — новый «центральный» процесс. Его называют «процессом 30-ти». Но еще неизвестно, кто именно будет посажен на скамью подсудимых, в каких преступлениях подсудимые будут «признаваться», кого станут оговаривать — на предмет постановки следующих процессов. Кровавый торг — чужими головами — ведется в Кремле и на Лубянке, чтобы ценой предательства и оговоров купить отсрочку собственного появления на скамье подсудимых. Часть имен была названа на процессе 16-ти, другие — в ряде статей «Правды», носящих характер черновых обвинительных актов.

Это все громкие имена ближайших учеников и соратников Ленина, старых подпольщиков, делателей Октября, вождей Коминтерна, идеологов и практиков большевизма на разных этапах его господства: Бухарин и Рыков, Сокольников и Пятаков, Радек и Шмидт, Серебряков и Угланов, Рютин и Слешков, Марецкий и Глебов-Авиллов. Все они проделали весьма различную партийно-политическую эволюцию, но все в разное время прямо или косвенно противились возвышению Сталина, справа или слева критиковали генеральную линию, взятую Сталиным после сокрушения им последовательно левой и правой оппозиции. Все в свое время капитулировали перед победителем, все покались в своих уклонах, все обязались верой и правдой служить вождю и проводить его генеральную линию. Разная судьба постигла их: одни были извергнуты из партии и из молота стали наковальной террористической диктатуры; другие, полупрощенные, вернулись, как Радек, к ответственной работе; третьи, оставленные под подозрением, перекочевали, как Рыков и Бухарин, с высот Политбюро на исполнительные роли. Казалось, победа генеральной линии создала почву для их примирения с водительством Сталина, для их идеологического «поравнения» — уже не за страх, а за совесть.

Не тут то было! «Гнусная роль троцкистов, правых и всех прочих реставраторов капитализма, которые десятки раз калялись и столько же раз предавали, — поучает «Правда» от 15 дек. партийных пропагандистов, занятых разъяснением новой конституции, — учит нас по-сталински быть бдительными. Нельзя бывшему оппозиционеру верить на слово. Ни одному!»

Нельзя верить, — значит, надо уничтожить. Не только политически, как в пору приснопамятных партийных дискуссий и фракционной борьбы с оргвыводами, но и морально и физически. «Раздавить гадов!» Процесс 16-ти был только началом. Уже в этом процессе были элементы амальгамы «левых» и «пра-

вых» оппозиционеров. В процессе 30-ти суть дела будет, повидимому, именно в этом амальгамировании левой и правой оппозиции.

Неслучайно «революционная бдительность» вождя направлена теперь не только налево, но и направо. Тому есть множество причин — только не тех, которые приводит «Правда» в статье «В помощь пропагандисту» под прокурорским заглавием: «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма». Можно оставить в стороне данную в ней пространную «предисторию» грехопадений правой оппозиции: бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» во время ставки на кулака, теорию «затухающей кривой», неверие в возможность построения социализма в одной стране, противодействие сталинским темпам индустриализации и политике раскулачивания и сплошной коллективизации, мобилизацию Бухариным правых элементов в Коминтерне, Рыковым в госапарате, Томским в ВЦСПС, Углановым в московской парторганизации, Рютиным в Ленинградской и т. п. История начинается с 1932 года — того страшного года, когда роковые последствия политики напроломной коллективизации создали впервые реальную и непосредственную угрозу водителству Сталина.

«В 1932 г., читаем мы в «Правде», — остервенелые враги народа, Угланов, Рютин, Слешков, Марецкий создали вместе с троцкистами подпольную контр-революционную организацию для борьбы против партии и пролетарской диктатуры... «Жалкие охвостья правых стали на контр-революционный путь, создали подпольные террористические группы, неразрывно связанные с троцкистско-зиновьевской бандитской шайкой... «В январе 1933 г., выяснилось, что Томский, Рыков, правый оппортунист Шмидт поддерживали связь с контр-революционной группой Эйсмонта-Толмачева-Смирнова, причем Томский, Рыков и Шмидт своим поведением давали повод всяким антипартийным элементам рассчитывать на их поддержку». Вывод: «Действительность показала, что троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты Гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами».

Все элементы амальгамы даны в этом обвинительном акте «Правды», который «к былям небылиц без счету прильгает». Подождем настоящего обвинительного акта, чтобы оценить по достоинству эти «сказки для маленьких детей и для больших дураков», употребляя крылатое выражение Литвинова.

Амальгама понадобилась, чтобы спутать все карты. Амальгама понадобилась, чтобы взаимно скомпрометировать правую и левую оппозицию. Амальгама понадобилась, чтобы удар налево, по троцкистско-зиновьевской оппозиции, дополнить ударом направо, против бухаринско-рыковской оппозиции. Кровавая расправа с лево-коммунистическими лидерами была использована троцкистскими группами в советском подполье и за рубежом для доказательства термидоринского вырождения сталинизма. Таков же был резонанс процесса 16-ти и в широких кругах международной пролетарской общественности. Ударом направо Сталин пытается вырвать этот политический аргумент из рук левых коммунистов, одновременно пытаюсь скомпрометировать их раскрытием несуществующего «право-левого блока» на платформе реставрации капитализма и поражения в интересах международного фашизма.

Но устремление «революционной бдительности» и направо диктуется не только желанием Сталина занять центральную позицию единственного защитника Октябрьской революции против изменивших ей якобы правых и левых оппозиционеров, но и опасением возможности возрождения правой оппозиции в условиях новой конституционной реформы. В отличие от левой оппозиции, сознательно стремящейся к организационному оформлению в подполье, правая оппозиция сознательно избегала такого оформления, чтобы не под-

ставлять себя под удар. Но тем опасней она кажется диктатору своей неоформленностью и повсеместной разлитостью. Партийная чистка и обмен партийных документов могли разоблачить и извергнуть из партии фракционные элементы троцкизма, но они бессильны были против неоформленного правооппортунистического и астрояния, опасного именно своей неуловимостью. Ведь и самый поворот Сталина на путь более реалистической политики и, в частности, уступка его крестьянству расценивается многими в ВКП, как «рецепция» идей правой оппозиции.

Сталин опасается, как бы «недобитки» оппозиционных группировок, пользуясь новой конституцией, не стали «в угоду умирающим классам» мобилизовать «отсталые слои населения» против советской власти. «Правда» от 4 января приводит слова вождя:

«На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контр-революционных партий эсэров, мень-

шевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв».

Готовящийся процесс 30-ти и должен будет «быстро», но не без жертв «покончить с этими элементами», чтобы преградить доступ к массам решительно всем разновидностям большевистской и социалистической оппозиции. Но как ни старается Сталин трупами своих политических противников законопатить отдушину, которые он сам, пусть для отвода глаз, вынужден сделать в сплошной стене своего государственного каземата, едва ли ему удастся «навечно» застраховать свое самовластие от подъема политической активности трудящихся масс, стимулируемой их социальным положением и новой конституцией: «Вешней воды сам царь не уйма — вода путь найдет». В пробуждении политической активности масс все дело!

А. ЮГОВ.

Конституция и социальные компромиссы

Новая конституция спутала ясные директивы и привычные представления советских местных властей и агитаторов ВКП не только в отношении демократии, но и в области социальной идеологии.

Переориентировка дается нелегко. Неслучайно в руководящих коммунистических органах вновь появились «странички пропагандиста» и «политические консультации».

Немало трудных задач и противоречий приходится разрешать «ученым мужам» при ЦК ВКП.

«Классы ликвидированы». Настолько радикально ликвидированы, что для СССР достаточно одной коммунистической партии, так как «единому классу нужна лишь одна партия». И в то же самое время остались «обломки старых классов», притом «обломки» столь внушительные, что подавляющее большинство ленинских сподвижников оказалось заражено «идеологией враждебных классов» и власти их расстреливают, как «бешеных собак».

«СССР — государство бесклассовое». Но класс пролетариев все же остается. «Советский Союз — социалистическое государство рабочих и крестьян». Между тем, социальная основа этих двух классов и в СССР остается глубоко различной. Рабочие получают наемную плату, а колхозное крестьянство — на кооперативных началах владеет орудиями производства.

Пролетариат, крестьянство, интеллигенция составляют, по конституции, единый класс трудящихся, с равными правами и обязанностями. Однако, пролетариату принадлежит гегемония в управлении государством...

Таких недоуменных вопросов ежедневная жизнь выдвигает немало... Стецкий, Галь и другие, пока еще не пойманные в ереси, теоретики ВКП, изо всех сил стараются, чинят, латают, перелицовывают, диалектику превращают в софистику, топят прямые вопросы в словесной эквилибристике, но в конце концов дают директиву: новый поворот Сталина идеологически безупречен, практически — лишь новое выявление его гениальности.

Убеждают ли они кого-либо? Могут ли они убедить в условиях, созданных конституцией? Это совершенно неважно.

Когда вся печать в руках одной партии, а вся эта партия в руках одного человека, то важна не убедитель-

ность аргументации, а ее гарантированная правдивость и авторитетность!

Но вся эта «гимнастика ума» и «хождение по канату» не снимают с порядка дня ряда противоречий, рождаемых политикой последних лет и закрепленных в только что принятой конституции.

Некоторые из них гораздо интереснее, чем вся словесная квази-научность, приводимая сейчас на страницах «Большевика» и «Правды».

На некоторых важных явлениях в социальной области, оформленных конституцией, мы хотим сейчас остановиться.

Конституция устанавливает, что «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства».

Несомненно, что и советская действительность и новая конституция всемерно охраняют и развивают в городе государственное хозяйство, а в деревне — колхозные формы сельско-хозяйственного производства. Также несомненно, что вся новая конституция ставит своей задачей насаждение и закрепление социалистического развития.

Таков основной смысл новой конституции и в этом ее притягательная сила, — несмотря на сегодняшнюю условность, а часто и иллюзорность, — для русских пролетариев и для пролетариев всего мира.

Но также несомненно, что в советской действительности множатся факты и иных тенденций: углубляется неравенство, усиливается рознь между правящими группами и рабочим классом, увеличиваются уступки собственническим интересам отдельных слоев и т. п.

Советская конституция в основных статьях эти тенденции не отразила, — что показывает, что эти тенденции далеки от победы, — но внимательный анализ принятой конституции все же устанавливает, что уступки, и притом весьма серьезные, этим тенденциям были сделаны.

Мы остановимся сегодня на двух важных моментах:

В деревне конституция признает колхозный строй, как основную форму хозяйства, узаконяет личное хозяйство колхозника и лишь «допускает» существовавшие единоличника. Правовое положение единоличника делается совершенно неустойчивым: совершенно исчез-

до легальное основание, по которому он владеет землей. Новая конституция — в противоположность прошлой — закрепляет землю в пользование лишь за колхозом и колхозниками.

Это не означает, что советская власть предполагает в ближайшее время произвести новое раскулачивание и начать загонять единоличников в колхозы. Сейчас ситуация совсем иная, чем была в 1929 - 1932 гг. Сейчас большинство единоличников было бы радо вступить в колхозы, но колхозники упорно этому сопротивляются, не желая делить с вновь вошедшими то имущество и те преимущества, которые они за эти годы успели приобрести.

«Мы своим горбом и лишениями создавали, а они придут на готовое». Уже при выработке примерного устава колхоза представители власти с трудом настояли, чтобы вступление единоличников в колхозы было допущено, хотя бы на началах рассрочки вступного взноса.

Не предполагает советская власть раскулачивать единоличников и по политическим мотивам: не таково сейчас международное положение СССР, чтобы создавать в деревне условия гражданской войны, хотя бы и в меньших масштабах.

Если советская власть не внесла в конституцию легализацию землепользования единоличниками, то потому, что считает эту социальную группу обреченной. Факты последних лет показали, что идет быстрый процесс, — конечно под влиянием политико-экономических условий, в которые единоличники поставлены — распыления этой группы. Часть проникает все же в колхозы, другая — идет в батраки в совхозы и рабочими в колхозные промышленные предприятия, третья — пролетаризируется и уходит в города.

В отношении колхозов конституция закрепляет за ними землю в пользование навечно и бесплатно. В подавляющем большинстве колхозов это закрепление земли уже произведено и сопровождалось торжественными актами.

Те торопливость и небрежность, с которой совершалось это закрепление, предопределяют громадное количество конфликтов в ближайшем будущем.

Земля закреплялась за теми колхозами и в том количестве, в котором она находилась в фактическом пользовании. Никакой попытки перераспределения земли между колхозами или целесообразного перемещения членов не было сделано. Случайность была закреплена в закон, притом претендующий на вечность. Вместе с землей было произведено закрепление и скота, орудий производства и построек.

Конституция закрепила образование в СССР колхозов с совершенно различной производственной базой, и в первую очередь с совершенно различным количеством земли на работника. При этом имеются колхозы с разными наделами земли не только в различных областях, но и в соседних районах. Этим обстоятельством в первую очередь объясняется тот факт, что в одних колхозах члены в среднем получают огромные доходы, а в других с трудом сводят концы с концами. Только что опубликованное обследование доходов за 1935 год показало, что имеются колхозные хозяйства, получившие на двор до 5 ц. хлеба и другие хозяйства, получившие на двор от 20 до 50 центи. хлеба. Такое же неравенство наблюдается и с денежными доходами: в Крыму и в Грузии на одно хозяйство пришлось в среднем по 700-800 рублей, а в Узбекстане — свыше 2.000 руб. на хозяйство *).

*) О расслоении внутри колхоза мы в настоящей статье не говорим, так как оно ни в какой мере не отразилось в конституции.

Так осуществляется в деревне насаждение кооперативной формы хозяйства. На долгие годы закрепляются богатые и бедные колхозы. Провозглашенный в конституции принцип: «каждому по его труду», в деревне — превращается: «каждому в зависимости от имущества и земельных фондов колхоза». Если в одних колхозах выдают на трудодень в 5 и даже 10 раз больше, чем в других, то это в малой мере находится в зависимости от труда колхозника, а в первую очередь от имеющейся в распоряжении колхоза земли и орудий производства.

Это неравенство воспитывает и психику колхозников: у одних обостряет своеобразный колхозный патриотизм, чувство собственника - колхозника, у других классовый антагонизм к своему соседу, члену более богатого колхоза.

И самое роковое, что это неравенство, столь торжественно закрепленное, будет невозможно устранить без новой деревенской междуусобицы!

Вообще, одним из новых явлений советской деревни, почти совсем неосвещаемых советской печатью, является усиление собственнического чувства у колхозников. Оно находит полный выход в усиленной работе на личном усадебном участке, но очень ярко проявляется и в отношении к колхозу, вернее к своей доле в колхозном имуществе. Упорное нежелание принимать единоличников, вступающих без эквивалентного пая, одно из типичных явлений для всей Советской России, рожденное именно этим кооперативным, вернее корпоративным, собственническим сознанием.

Но новая конституция не только закрепила на годы это неравенство между колхозами, она отдала и другую дань собственническим настроениям: узаконила наследование имущества и накопления.

Это право закреплено в конституции без всяких ограничений, которые знает даже законодательство демократических стран.

В деревне это означает, что юноша, родившийся в богатом колхозе будет пользоваться не только этой счастливой случайностью, но унаследует все накопление, сделанное его родителями.

При громадном неравенстве в доходах, которые имеет рядовой рабочий и, напр., инженер или известный писатель накопление происходит в городе также в совершенно различных размерах. Теперь, по конституции, накопление будет передаваться по наследству и умножаться в поколениях. Во втором поколении преуспеяние советского гражданина будет часто определяться не его способностями и активностью, а размерами наследства им полученного. И такое положение, противоречащее всем социалистическим принципам, сочли нужным закрепить в конституции, в социалистической хартии!

Конечно, следует помнить, что мы живем в такое время, когда ни один строй не может считать себя устойчивым и ни одна конституция не может претендовать на вечность. Под влиянием войны или революций на Западе, советская власть еще не раз пересмотрит свои принципы и внесет поправки в свою конституцию. Весьма вероятно, что ни одному новому советскому поколению не придется пожать плоды наследственной благодати.

Но тенденции, нами отмеченные, важны, как показатель того, что руководители советской политики признают сейчас принципиально приемлемым, в интересах каких слоев они делают уступки и укрепляют ли они этими мерами революцию и социализм или элементы им враждебные.

При сегодняшней ситуации в СССР и наследование и расслоение колхозов не угрожает непосредственной опасностью революции, но достаточно каких-либо международных осложнений, военных неудач, чтобы слои советской бюрократии приобшившиеся к накоплению, аккумуляции свое не только политическое влияние, но и растущее материальное благосостояние, а колхозное неравенство породило реальную угрозу в деревне.

Советская конституция дает несомненные и громадные возможности всем слоям трудящихся, и особенно молодежи, продвигаться вперед на жизненном поприще и проявлять свои способности и активность. Право на труд, право на образование — великие и весьма реальные блага.

Но эти блага советская конституция лишь закрепила, они были реальностью гораздо раньше конституции. А в сложнейшей и решающей социальной области, там, где конституция говорит новое слово, пролагает юридические формы новым отношениям между классами СССР — там она сочла возможным подвести экономическую базу для нового социального неравенства и сделать уступки самым реакционным потребностям советнической психики.

Мы вскрыли лишь некоторые моменты противоречивой советской действительности, поскольку они нашли отражение в новой конституции.

Но как характерны и тревожны эти метания!..

И. ГРЕКОВ.

Благодарность „Правде“

* Номер «Правды» от 30 декабря надо признать сенсационным. И этой сенсацией советский читатель обязан все той-же книжке Андрэ Жида «Возвращение из СССР».

Эта искренняя и вдумчивая книжка писателя, которого сама советская пресса так настойчиво восхваляла, как истинного друга Советского Союза, видимо больно задела сверх-диктатора и его подручных. И они принялись за дело, чтобы поправить нанесенный им урон.

Выпущенные против Жида доморощенные публицисты оказались явно несостоятельны. Открыть во вчерашнем «великом друге» любителя «пестрых по окраске паразитов и гадов», «сварливого, до крайности ограниченного французского буржуа-рантье», источника «ядовитой антисоветской слюны», Иуду-Христопродавца и едва-ли не «фальшивомонетчика» (см. «Правду» от 3 декабря) — значит не Жида оскандалить, а самих себя. Довести до сведения советских читателей, что Жид почему-то неожиданно «взбунтовался», не сказав ни слова о содержании его критики и лишь «обложив» его ругательствами, — значит внести смуту в умы читателей и ничего не сделать для рассеяния этой смуты.

* За несостоятельностью доморощенных опровергателей Жида «Правда» решила прибегнуть к помощи иностранных писателей и напечатала в номере от 30 декабря статью пребывающего ныне в Советском Союзе Лиона Фейхтвангера. Статья эта — «перевод с немецкого», как отмечает «Правда», и мы не можем конечно, поручиться, что перевод немецкой статьи Фейхтвангера сделан с большей точностью, чем делались в свое время переводы французских статей, речей и телеграмм Жида. Но во всяком случае и в том виде, в каком статья Фейхтвангера появилась в «Правде», она достаточно знаменательна, чтобы признать номер Центрального Органа ВКП(б), в котором она помещена, сен-

сационным. Ибо статья эта впервые доводит до сведения советских читателей существо критики Жида, хотя и старается смягчить его высказывания. Ибо она по существу не опровергает, а подтверждает эту критику, хотя и старается дать посильное объяснение отмеченным Жидом отрицательным явлениям советской жизни. Ибо, наконец, сами «объяснения» Фейхтвангера подчас лишь подчеркивают то, что до сих пор в советской печати старались тщательно «смазать». Судите сами.

Фейхтвангер начинает с того, что признает: в Советском Союзе нет «свободы мнений и печати». Какое значение имеет при этом его добавление: ее нет «в западно-европейском смысле», если он не потрудился сказать, в каком же «смысле» она имеется? Такое-же малое, как попытка Фейхтвангера описать деликатной формулой: «некоторые мелкие неоспоримые безвкусицы, которые здесь можно найти», — то неумное хвастовство, с одной стороны, и столь же неумное подхалимство, с другой, какие наблюдал Жид в верхах советского общества, или формулой «недостаток комфорта» обозначить указанный Жидом крайне низкий уровень советской жизни вообще и жизни советских трудящихся масс, в особенности.

Фейхтвангер признает и наличие «обоготворения» Сталина, причем не может скрыть, что «обоготворение» это кажется «необычным» — опять-таки все тому-же «западноевропейскому» человеку. Но, так как таким человеком является и сам Фейхтвангер, то он пытается «необычное» объяснить. Но как? Оказывается, что «это исключительное почитание относится не к Сталину, как к отдельному человеку»: «Народ говорит «Сталин» — и подразумевает под этим увеличивающееся благосостояние, растущее просвещение». Таким образом, «всеобъемлющий гений», «величайший человек эпохи», и пр., и пр. — все это в применении к Сталину, «как к отдельному человеку», — чистейшая словесность! «Гениален» не Сталин, а — благосостояние! «Велик» опять-таки не Сталин, а — просвещение! «Обожают» вовсе не его, а «веселую и зажиточную жизнь» — те, которые до такой жизни дорвались! Воображаем, как поблагодарят Фейхтвангера в кремлевских палатах за такие «разъяснения»!

Фейхтвангер признает и правильность указания Жида на «унификацию душ», на принудительное единомыслие. Но — «здесь создается совершенно новая культура», здесь «значительная часть народа, большая его часть, в известном смысле учится читать», а в процессе обучения грамоте все индивидуальное «было бы нежелательно». Вот, «когда здесь научатся лучше читать, тогда будет допущено более сильное подчеркивание индивидуального». «Будет допущено»... В этих двух словечках — невольная капитуляция перед Жидом, опрокидывающая все усилия Фейхтвангера прикрыть истинное существо поставленного Жидом вопроса никчемной метафорой, отождествляющей обучение миллионов масс политической «грамоте» с долбежкой буквы по методу Кутейкина и Цыфиркина!

Но — с чувством некоторого испуга прочтут советские читатели в статье Фейхтвангера — в конце концов «нельзя отрицать, что в отдельных областях желательна большая терпимость». Беда лишь в том, что «Советский Союз находится под серьезной угрозой» и «пока что не устранены опасности, которыми угрожает фашизм», и основной грех Жида заключается в том, что о советских пороках он «заявил в момент, когда нападение на Испанию угрожает делу борьбы за социализм во Франции и во всем мире».

К этому упреку и сводится, в сущности, вся критика Фейхтвангера. Его статья не оставляет ни малейших сомнений в том, что и сам он отлично видит все те пороки, которые отметил Жид. И его от этих пороков

коробит («необычно!»). Но, в отличие от Жида, он думает, что о них пока что следует помолчать: народу должна быть сохранена религия!

• Думается, что миллионы советских читателей, вместе с Жидом, не усмотрят в замалчивании пороков и слабых сторон революции лучшего метода для преодоления грозящих ей внешних и внутренних опасностей, лучшего способа служить «социализму и прогрессу во всем мире». И статья Фейхтвангера «сенсационна» именно потому, что сама она впервые на столбцах советской печати нарушает заговор молчания и ставит советского читателя лицом к лицу с самыми «больны-

ми» и самыми «деликатными» вопросами советской жизни — вплоть до вопроса о «гении» Сталина! Мы не сомневаемся, что миллионы советских читателей, не принадлежащих к тому кружку, который решает, когда и что надо «допускать» или «не допускать», сделают из этой статьи свои выводы.

Поблагодарим-же «Правду» за эту сенсацию! Поблагодарим и пожелаем, чтобы редактору не пришлось пострадать за нее. Ибо надо признаться: услуга, конечно, «при нужде дорога», но, чтобы редактор «Правды» сумел за нее взяться, — этого мы не сказали бы!

С. ШВАРЦ.

Угроза праву убежища

Когда летом прошлого года в Париже состоялась международная конференция о праве убежища, ветеран французского коммунизма Марсель Кашен, выступая на конференции, с удовлетворением отметил, что в только что опубликованном проекте новой советской конституции гарантируется право убежища для иностранных граждан, «преследуемых за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу» (ст. 129). Этим и впрямь можно было бы гордиться, если бы ст. 129 новой конституции (статья эта утверждена без изменений) не находилась в таком кричащем противоречии с советской действительностью: советские границы фактически закрыты для политических эмигрантов, из среды которых лишь единицы, да и то после долгих хлопот, получают доступ в Советский Союз. И советское правительство может быть, по своему праву: нельзя открыть широкий доступ для политических эмигрантов, а затем надеть на них намордник по национальному образцу. Но нельзя и предоставить свободу политической деятельности эмигрантам, когда граждане страны лишены этой свободы. В обстановке общего бесправия право убежища для политической эмиграции не стоит той бумаги, на которой оно «гарантируется».

С этим положением в Советском Союзе все — и в СССР и за-границей — как-то свыклись и почти его не замечают. И это понятно: в сложной проблематике Советского Союза право убежища для политической эмиграции действительно занимает лишь десятистепенное место. Но хуже другое: советское правительство до того забыло самые элементарные понятия о демократических свободах, что, когда это ему понадобилось в интересах его внутренней политики, оно с легким сердцем выступило и на международной арене чемпионом уничтожения права убежища.

• Наши читатели уже знают, что в связи с процессом Зиновьева-Каменева и др. советское правительство обратилось к норвежскому правительству с требованием о лишении Троцкого права убежища. Требование это было подкреплено весьма реальной угрозой — угрозой экономического бойкота Норвегии со стороны Советского Союза: советский посол недвусмысленно дал понять норвежскому правительству, что в случае отказа ему в его требовании советское правительство откажется от каких-либо закупок в Норвегии и перестанет пользоваться услугами норвежского торгового флота. Для экономики этой маленькой и бедной страны экономический бойкот со стороны Советского Союза был бы очень болезненным ударом. Несколько десятков тысяч рыбаков, мелких крестьян (лесозаготовки), матросов и прочего трудового люда были бы поставлены под

угрозу тяжелой нужды и нищеты. Пред этим шантажом норвежское правительство отступило. Правда, оно не выслало Троцкого (да его и невозможно было выслать, пока у него не было визы на въезд в другую страну, если, конечно, не выслать его в СССР, о чем и речи быть не могло); но оно формально заявило о лишении Троцкого права убежища и интернировало его, совершенно отрезав его от внешнего мира. Правда, Троцкий не содержался ни в тюрьме, ни в концлагере, он жил с семьей, в благоприятных бытовых условиях. С чисто гуманитарной точки зрения все это могло бы иметь немаловажное значение; но чисто гуманитарные аргументы здесь явно недостаточны: и не только потому, что случай с Троцким имеет слишком большое политическое значение, чтобы в оценке его ограничиться такого рода соображениями, но и потому, что в биографии Троцкого имеются страницы, которые существенно ослабляют в отношении его непосредственную убедительность чисто гуманитарных аргументов.

Нет, лишение Троцкого права убежища — по требованию коммунистического советского правительства и по постановлению социалистического норвежского правительства — это тяжелый удар для дела демократии. 31-го августа в Норвегии был издан специальный королевский декрет, предоставляющий министерству юстиции право ограничивать свободу иностранцев, «пребывание или деятельность которых в стране противоречат интересам государства». Этот декрет имел целью легализовать интернирование Троцкого. Но советское правительство и на этом не успокоилось. И когда в ответ на клеветнические статьи в некоторых норвежских газетах (коммунистических и др.), изображавшие Троцкого — по Московской шпартгалке — агентом Гестапо, контр-революционером и пр., Троцкий возбуждал в норвежском суде дело о клевете против нескольких газет, — под давлением советского правительства и по прямому требованию коммунистической газеты был издан новый королевский декрет (29-го октября), совершенно беспримерный в истории демократических стран: лицам, интернированным на основании декрета 31-го августа 1936 г. (см. выше), воспрещается обращаться в суд без специального каждый раз разрешения министерства юстиции. Правительство даже и не скрывало, что оба декрета имеют в виду Троцкого, который лишен был таким образом элементарного права судебной защиты против непрекращающейся клеветы, теперь уже заведомо безнаказанной и даже пользующейся защитой закона! *).

* Для того, чтобы все же добиться судебной проверки выдвинутых против него обвинения, Троцкий привлек к су-

Морально - политические опустошения, вызываемые такого рода мероприятиями, громадны. Право убежища, как право, дающее право и на политическую деятельность, и вообще в послевоенные годы несколько поблекло в общественном сознании демократических стран. Советско - норвежские события наносят ему новый, чрезмерно болезненный удар. Позорная инициатива псевдо-коммунистического правительства отравляет общественное сознание. Но только первый шаг был труден и вызвал некоторое смущение и в коммунистических рядах. Сейчас вся международная коммунистическая печать совершенно единодушна в этом вопросе, и когда мексиканское правительство выразило готовность предоставить убежище Троцкому, опять-таки коммунистическая печать ударила на набат и обратилась с прямым призывом к транспортникам не допускать переезда Троцкого через океан. Призыв этот, правда, остался без последствий.

И, конечно, наиболее горячий отклик эта кампания находит в сердцах фашистов разных стран. Они в полной мере отдают себе отчет, что это вода на их мельницу. И в той же Норвегии фашисты соревновались с коммунистами в травле Троцкого, а фашистский адвокат Хьорт дошел даже до того, что подал прокурору заявление о необходимости судебного преследования Троцкого в Норвегии на основании ст. 330 норвежского Уголовного Кодекса. Статья эта карает за принад-

лежность к тайному сообществу, ставящему себе преступные цели, хотя бы преступные деяния и совершались за-границей. Прокуратура впрочем в двух инстанциях отклонила требование бойкого фашистского адвоката, не найдя в деятельности Троцкого состава преступления *).

Успех советского правительства в Норвегии окрылил и фашистских диктаторов. В начале декабря чехословацкое правительство подверглось натиску со стороны германского правительства и запретило розничную продажу издающейся в Чехословакии газеты германских с.-д-тов «Новый Форвертс». От больших не отстают и малые. Австрийский диктатор Шушник, у которого после соглашения с Берлином и Римом, по немецкой поговорке, набух гребень, тоже объявился со своими претензиями и потребовал от чехословацкого правительства запрещения выходящей в Брюнне австрийской «Рабочей Газеты» («Арбейтер-Цейтунг»). И опять чехословацкое правительство уступило. Правда, это привело практически лишь к прекращению предназначенного для заграницы еженедельного издания «Рабочей Газеты», но не коснулось двухнедельного издания «Рабочей Газеты», предназначенного для Австрии; практические непосредственные последствия этого запрета, может быть, окажутся поэтому не очень значительны и ограничатся, в сущности, запрещением розничной продажи газеты. Но отрицательного принципиального значения этой меры нельзя недооценивать. Это тяжкое нарушение демократических принципов таит в себе угрозу все новых и новых актов насилия.

ду за клевету пражское «Ротэ Фанэ». Адвокат Троцкого получил от него подробную докладную записку по делу. Но окрыленные своим парижским успехом таинственные незнакомцы, сумевшие недавно украсть из парижского отделения Международного Института Социальной Истории архив Троцкого, совершили налет на квартиру адвоката Троцкого и похитили присланную Троцким докладную записку. Нравы чикагского уголовного подполья начинают входить в обиход европейской политической жизни.

*) Тем самым, — может быть, и не желая этого, — норвежская прокуратура дезавуировала решение московского суда, так как если Троцкий действительно был руководителем террористической организации, как это утверждалось в Москве, виновность его и с точки зрения норвежского закона беспорна.

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ К ТЕРМИДОРУ?

Вопрос о характере советского строя и о тенденциях его развития является центральным, без разрешения которого немислима выработка действенной партийной линии. На этом мне приходилось неоднократно настаивать. Разрешая их иначе, чем я, к этим самым вопросам счел нужным вновь вернуться в настоящее время Ф. И. Дан в своих фельетонах о «путях возрождения» («С. В.» № 15-17).

В самом деле, без ясного ответа на этот вопрос, без руководящей нити в том сложном клубке проблем, который мы находим в Советской России, мы рискуем безнадежно запутаться и притти к ошибочным, нередко политически опасным выводам.

Ответ о характере советской системы тем более должен быть дан, что в настоящее время все сходится в признании нынешнего этапа Советской России, как завершительного, стабилизационного. Но, если это так, то необходимо ясно и недвусмысленно сказать, в каком направлении происходит завершение социально - экономической эволюции, на какой социально-экономической базе современный советский строй стабилизируется.

В свое время в центре дискуссии стоял вопрос о том, возможно ли, чтобы Советская Россия из себя самой вне социалистической революции на Западе рождала социалистические тенденции. Элементы советского строя, которые я рассматривала, как социалистические, моими оппонентами оценивались, как государственно - капиталистические, т. е. как одна из форм капитализма. Однако, развитие последних лет настолько отчетливо выявило действительный характер этих явлений, что противоположная моей концепция претерпела коренное изменение. Сейчас признается наличие двух взаимно борющихся тенденций — социалистической и госкапиталистической, но только при окончательной победе социалистических тенденций считается возможным признать строй социалистическим.

Эта постановка вопроса, приближает нас значительно больше, чем предыдущая к пониманию проблемы, но окончательного разрешения ее она, по моему, все же не дает.

Прежде всего я вижу в ней ошибку методологического порядка. Возможно ли отказаться от определения характера строя из-за того, что в нем происходит борьба различных тенденций, и не должны ли мы всегда искать и находить основные господствующие тенденции. Если, например, революционная Испания победит, то она всей логикой положения будет побуждаться к переходу на социалистические рельсы. Но, зная социально-экономические условия Испании, можно ли сомневаться, что социализм здесь не возникнет сразу, как готовая завершенная система. Наоборот, в стране еще длительное время будет происходить борьба различных тенденций, и пережитки не только капитализма, но и феодализма будут систематически тормозить продвижение по пути социализма. И все же уже с того момента, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки, овладеет средствами производства и поставит перед собой задачу строительства социализма, — это будет означать, что господствующей становится тенденция социалистическая и мы не сможем не признать этот строй социалистическим, — конечно, в его первоначальной, еще весьма далекой от идеала стадии. В непосредственной связи с этим стоит вопрос о невозможности определения характера строя, пока ему угрожает термидоранское перерождение или победа фашизма. А priori приходится допустить, что пока страны социалистического строительства будут изолированными островами или пока социализм не пустит в них глубоких корней, возможна реставрация капитализма и внутренними силами, и силами, нападающими вне. Если переворот произойдет, пред нами будет не социалистический, а капиталистический строй. Но одна только недостаточная стабильность строя, одна только возможность реставрации капитализма, не позволяет нам отрицать социалистический характер системы. Эти положения должны иметь международную значимость. Мы не можем подходить к Советской России с иным масштабом, чем мы

подходим сегодня к Испании, завтра, может быть, к Франции.

Эти рассуждения в применении к Советской России означают, что мы не можем ограничиться констатацией наличия двух тенденций, что мы должны на основании анализа фактического положения определить, **какая** из двух является уже господствующей или как таковая закрепляется, и **какой общественный строй формируется** под влиянием этой господствующей тенденции *).

В своем анализе мы должны начать с того, что является краеугольным камнем всякой общественной системы — с ее экономики. Беря ее не только в статике, но и в динамике, сопоставляя хозяйственное положение с тем, что было два-три года назад — во время предыдущей дискуссии — мы сможем оценить и пройденный этап и более отчетливо увидеть тенденции развития.

Уже два-три года назад успехи Советской России в экономической области — гигантские темпы индустриализации, все большее укрепление коллективизации — привели меня к выводу, что советский строй укрепляется, как социалистический, на базе социалистической экономики. Но те огромные трудности, которые существовали тогда — в особенности в отношении коллективизации — заставляли многих относиться скептически к этому прогнозу и предвидеть, наоборот, неизбежность «отступления», — как в период нэпа, — назад к капитализму от социалистических принципов строительства.

Если мы оглянемся на пройденный за последние годы этап, то мы должны будем признать, что Советская Россия **основные** трудности в области экономической превозмогла, что большинство казавшихся непреодолимыми барьеров ею уже взяты. Оговариваясь заранее, чтобы не быть ошибочно понятой, что это мое утверждение не означает ни в коей мере, что советское хозяйство развивается уже сейчас бесперебойно, безболезненно. И сейчас дефектов и трудностей имеется неисчислимо количество, предстоит еще огромная работа по рационализации всех сторон народного хозяйства. Но всякий беспристрастный наблюдатель вынужден будет признать, что советское хозяйство входит в нормальное русло, **как обобщественное плановое хозяйство**, и что вся его система все более и более совершенствуется. Несомненно, что, главным образом, именно эта стабилизация народного хозяйства на социалистической базе и побудила тех, кто ранее считал это невозможным, признать уже сейчас независимо от развития на Западе наличие социалистических тенденций в Советской России.

Советская промышленность не только не пошла в своем развитии по линии «затухающей кривой», но, наоборот, темпы роста последних лет вернулись почти что к темпам первой пятилетки, притом с несравненно лучшими, хотя и сейчас еще совершенно недостаточными, качественными показателями. Советская Россия занимает в настоящее время одно из первых мест среди мировых промышленных стран, и с каждым годом позиции ее все более укрепляются. Но в принципиальном отношении еще более важными являются успехи, достигнутые в сельском хозяйстве. Еще два года назад крестьянство в определенной своей части было враждебно коллективизации — хозяйственно тогда еще неокрепшей, — и государство для осуществления коллективизации должно было обращаться к методам административно-принудительного воздействия. Сейчас положение коренным образом изменилось. Сейчас коллективизация является господствующей формой сельского хозяйства, и колхозное крестьянство участвует активно без принуждения и вынуждения в колхозном строительстве. Если большую роль в достижении этих успехов играло то, что советская власть удовлетворила стремление колхозника к увеличению его личного сектора, тем не менее этот сектор играет лишь роль дополнительную и является зависимым от хозяйства коллективного. Развитие пошло по пути, который мы в свое время при оценке перспектив коллективизации признавали единственно правильным: коллективизация победила в конечном счете **экономически**, воюючи показав крестьянству преимущество крупного коллективного хозяйства перед мелким индивидуальным.

В чем социальный смысл этого экономического развития, какие социальные тенденции становятся благодаря ему преобладающими?

*) Не имея возможности по условиям места трактовать тему во всей необходимой полноте, я останавливаюсь в данной статье лишь на процессах внутреннего порядка вне связи с проблемами международными к чему надеюсь еще вернуться в особой статье.

Советская промышленность укрепилась, как производство максимальной концентрации, находящееся почти целиком в руках государства. Для мелкого производства остается чрезвычайно ограниченная и все более сужающаяся сфера приложения. Также и в деревне крупное производство победило в основной — полеводческой — области. В связи с этим параллельно с ростом и повышением удельного веса в стране пролетариата произошла почти полная ликвидация мелкой буржуазии в городе, тогда как коллективизация подорвала жизненный нерв классового роста и укрепления мелкой буржуазии в деревне. Если вспомнить, что до самых последних лет история Советской России протекала под знаком борьбы города с деревней, что мелкобуржуазная стихия деревни являлась источником укрепления капиталистических тенденций в стране, то мы должны прийти к заключению, что победа социализма в Советской России окончательно обеспечена, потому что возврат страны на пути мелкобуржуазного строя стал **экономически** невозможен, — что не предрешает, конечно, вопроса о капиталистической реставрации в случае победы фашизма. С точки зрения социальной это означает окончательное укрепление, как господствующего класса в стране, пролетариата и колхозного крестьянства, в направлении к нему эволюционирующего, — с тем, что ведущая роль остается за пролетариатом.

Но именно с этим не соглашаются те, кто утверждают, что в стране идет борьба двух тенденций. Они доказывают, что в стране возникает новое социальное неравенство, что из бюрократии, «знатных людей», выдвиженцев нарождаются новые господствующие классы, что в условиях все большего обострения режима диктатуры происходит перерождение социальной ткани советского строя. Социалистические тенденции не только не побеждают, но они отступают перед враждебными им госкапиталистическими — термидорианскими силами.

Это построение исходит из ряда фактов современной советской действительности, но берет их лишь в одном аспекте и придает им ошибочное социальное истолкование. Все эти отрицательные моменты свидетельствуют несомненно о том, что в стране еще существуют капиталистические тенденции и что их еще не так легко удастся изжить, но в этих отрицательных явлениях никак нельзя видеть тех рычагов, которые в состоянии будут совершить классовую передвижку в стране.

Механизм создания новых господствующих классов в стране изображается таким образом, что привилегированные группы, стремящиеся сделать свои привилегии семейственно-наследственными, будут искать своим накоплением — которые вначале носят потребительский характер — хозяйственно-производительное применение, в результате чего может произойти возрождение частно-капиталистического хозяйства.

Однако, данная схема игнорирует современные экономические условия страны. Как я на это указывала выше, советская экономика не оставляет сколько-нибудь серьезного места мелкому производству. Достаточно подумать об удельном весе этих «накоплений» в народном доходе, достаточно сопоставить хотя бы самые максимальные заработки и возможные накопления всяких привилегированных групп с теми многими миллионами и миллиардами, которые нужны теперь производству, чтобы притти к бесспорному заключению, что на путях первоначального накопления немисливо теперь возникновение новых имущих классов в Советской России. В противоположность тому, что имело место в период нэпа, когда мелкобуржуазная база деревни оставалась непоколебленной, в настоящее время в СССР невозможно возникновение нового господствующего класса в результате **постепенного экономического роста** и соответственного усиления политического влияния отдельных социальных групп. При создавшихся условиях новый господствующий класс в СССР может возникнуть только **политически**, когда враждебные современному строю силы, в случае победы, создадут тем или иным способом класс собственников на основе уже **существующего** производственного аппарата.

Но вопрос может быть поставлен в иную плоскость, — как его многие и ставят. Различные привилегированные группы, — «знатные люди», выдвиженцы, аппаратчики, — пользующиеся большими материальными преимуществами, все больше отрываются от масс, все больше превращаются в особую касту, опираясь на которую диктатура в конечном счете совершит термидорианский переворот.

Противоставление «знатных людей» массам предполагает зависимость и противоположность их интересов. В действительности же это не так. «Знатные люди» возникли и возникают не на почве и **не за счет** снижения жизненного уровня масс. Оглянувшись на то, что было два-три года назад, мы убедимся, что появление знатных людей ни в коей мере не свидетельствует об укреплении «госкапиталистических», враждебных пролетариату начал, так как за этот период положение рабочего класса в целом вплоть до самых низших

групп несоразмерно улучшилось из-за общего подъема материального благосостояния страны. Вспомним годы карточной системы, когда отсутствовало самое необходимое, когда рабочий класс систематически недоедал. Теперь тиски продовольственного голода разжались уже окончательно, тиски товарного голода раскрываются все более. Если ранее мы под углом зрения интересов рабочего класса обвиняли советскую власть в том, что вложения в легкую промышленность были недостаточны, то теперь легкая промышленность уже догоняет и даже перегоняет тяжелую в темпах роста и дает все увеличивающееся количество продукции. Конечно, материальное положение улучшается не с той быстротой, не с той всеобщностью и равномерностью, как это было бы необходимо. Здесь встают вопросы о темпах строительства, о распределении народного дохода между городом и деревней, о затратах на оборону страны, о системах заработной платы, но нельзя искать корень неравенства в том, что власть изменила свою социальную природу, что она поставила ставку на «знатных людей» против широких масс.

Представление о «знатных людях», выдвигаях и т. п., как о привилегированном, от масс оторванном слое, в то же время совершенно не соответствует той роли, которую власть этим группам фактически отводит. Дуся Виноградова, Мазай или Мария Демченко не только не поставлены властью на недостижимый пьедестал, но, наоборот, власть стремится к тому, чтобы все стали Виноградовыми, Мазаями или Демченко. Идея соревнования заключается не в выделении одиночек, а в том, чтобы массы подтянулись до этих одиночек. Более того, власть практически этому способствует, открывая массам все возможности — и как раз за последние годы — повышать их квалификацию, увеличивать заработки, становиться «знатными людьми». И, действительно, количество ударников, стахановцев, «знатных людей» растет с каждым днем, вследствие чего не может закрепиться грань между ними и массой.

Внешнее сходство лозунга «зажиточной жизни» с неповским лозунгом «обогащайтесь» не должно затуманивать того основного различия, что во время нэпа расслоение совершалось на базе владения орудиями производства, что приводило к закреплению различных имущественных групп, тогда как теперь неравенство носит исключительно потребительский характер без установления какой-либо связи со средствами производства, и переход из одной группы в другую ничем не прегражден.

**

При оценке процессов, совершающихся в Советской России, нельзя отрицательные явления советской жизни рассматривать, как **специфически** этому новому режиму **присущие**, как им обусловленные, тогда как в действительности, в них все еще отражается **наследие прошлого**, с одной стороны, влияние **внешних**, вне советского строя действующих, факторов, с другой.

Основной причиной «социального неравенства» является не покровительство власти привилегированным группам, а то, что новому строю пришлось выполнять работу, которую до него не выполнила буржуазия, что, несмотря на огромные успехи экономики, пока еще невозможно полное удовлетворение растущих потребностей масс. Кроме того, нужно принять во внимание еще один важный фактор — то, что угроза войны заставляет в настоящее время тратить колоссальную часть народного дохода на непродуцируемые цели.

Грядущая война бросает уже сейчас свою зловещую тень на многие явления советской жизни. Но мне представляется политическим упрощением в политике власти, связанной с войной, видеть доказательство ее социального перерождения. Нельзя говорить о термидорианских тенденциях власти там, где мы имеем перед собой столь свойственный коммунистам «маневр», очередную попытку переихитрить историю. Весь национально-патриотический угар последнего времени со статьями под Карамзина, с восстановлением чинов и казачьих привилегий, с чествованием казаков меньше всего свидетельствует о том, что Сталин или Клим Ворошилов намерены, опираясь на армию, вернуть старым или дать новым господствующим классам материальные средства и политическую возможность господства над массами. Наоборот, смысл производимого ими «маневра» заключается именно в том, чтобы помешать победе буржуазных фашистских сил над современным советским строем. Отступление перед буржуазно-идеологическими пережитками в культурно-бытовой области свидетельствует не о том или ином изменении взглядов руководящих кругов, а о стремлениях власти найти пути для удвоения душ тех слоев, связь которых с режимом до сих пор еще недостаточно закрепились и замирения с которыми в виду военной опасности власть хочет во что бы то ни стало добиться.

Что предвоенная ситуация и вся ею созданная обстановка жизни тормазит закрепление социалистических тенденций,

что невыкорчеванные до конца пережитки прошлого вновь пробиваются наружу, это несомненно. Но то, что эти моменты не послужат рычагом для социальных сдвигов, не приведут к радикальному перемещению классовых сил — гарантией этого является роль рабочего класса и широких масс в стране.

**

Диалектика развития Советской России привела к тому, что, несмотря на режим политической диктатуры, в стране создается действительная «социальная демократия». Рабочий класс является господствующим классом в стране, и массы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть коренной реконструкции страны, подвели тем самым твердую базу под свое господство. Те исключительные привилегии и права, которые имеет в Советской России рабочий класс, немислимы ни в одной капиталистической стране. Советская конституция, несмотря на свои дефекты, становится «хартией вольностей» рабочего класса и трудящихся, поскольку она устанавливает, как незыблемые права: **право на труд, право на отдых, право на образование**. Конституция в значительной мере закрепляет уже сложившееся положение. Но в то же время само это закрепление является дополнительной гарантией против попыток социальной деградации рабочего класса, против возникновения нового господствующего класса. Царское правительство прекрасно понимало, что для сохранения привилегий господствующего класса деревня должна оставаться неграмотной, «кухаркиным детям» не должно быть доступа в университет. Культурный подъем, охватывающий все массы трудящихся, неограниченная возможность образования для всех — все это является самым реальным противодействием победе термидорианских тенденций в СССР.

Это развитие не могло не оказать влияния также и в политической области. Чем более социальный и культурный подъем пробуждал самостоятельность масс, тем большим препятствием ощущалась бюрократизация аппарата, невозможность борьбы с беззаконием и произволом, этой бюрократизацией порожденными, тем принудительнее чувствовалась необходимость обеспечения населению определенных политических прав, развязывания его политической активности. И это привело к тому акту исключительной исторической важности, каким является введение новой советской конституции.

Эта конституция, несмотря на ее дефекты, несмотря на то, что ее введение как будто непосредственно вызвало еще большее усиление террора вплоть до расстрела троцкистско-зиновьевской оппозиции, — знаменует несомненно новый этап в развитии СССР.

Конечно, от утверждения конституции до полной политической демократизации режима — дистанция огромного размера. За сколько времени она будет пройдена, это далеко еще неясно, тем более, что война может затормозить процесс преодоления диктатуры. Но сам факт введения конституции, с привлечением к ней всеобщего внимания, с популяризацией прав населения уже сейчас повышает политическое сознание масс, пробуждает их политическую активность и тем самым создает условия более благоприятные для борьбы со всеми отрицательными сторонами советской жизни и расширяет путь для дальнейшего развития социализма в стране.

**

По условиям места я могла только суммарно и без необходимой полноты рассмотреть вопрос о тенденциях развития и о характере советского строя. Тем не менее мне кажется, что произведенный анализ дает все основания утверждать, что господствующая и победившая в Советской России тенденция — это тенденция социалистическая. Стабилизирующийся строй — это строй первоначальной стадии социализма, страдающий пока еще многочисленными несовершенствами, но в то же время доказавший уже свою способность к развитию и преодолению этих несовершенств.

Какие политические задачи вытекают для рабочей партии из признания социалистического характера СССР — это тема особой статьи.

О. Доманевская

ЗАГРАНИЦЕЙ

ИСПАНИЯ — СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Испанская Федерация Профессиональных Союзов обратилась в секретариат Рабочего Социалистического Интернационала со следующим письмом:

Уважаемые товарищи,

в заседании Исполнительного Комитета Испанской Федерации Профессиональных Союзов было доложено о речи, произнесенной в защиту испанского пролетариата товарищем Де-Брукером в заседании Международной Федерации Профессиональных Союзов (имеется в виду совместное заседание МФПС и РСИ, состоявшееся 4-5 декабря 1936 г. в Париже).

Исполнительный Комитет постановил единогласно выразить названному товарищу свою глубокую признательность за занятую им позицию и одновременно поручил передать ему большую благодарность испанского пролетариата за кампанию, проводимую вашей организацией в пользу нашего дела.

По поручению Исполнительного Комитета с сердечным социалистическим приветом

Паскаль Томас.

В Социалист. Интернационале Молодежи

В начале декабря 1936 года состоялось заседание Бюро СИМ'а совместно с представителями австрийского, голландского и шведского союзов. Большая часть заседания была посвящена событиям в Испании. Председатель СИМ'а Ган-

сен посвятил свое вступительное слово славным борцам за свободу в Испании и остановился особо на павшем под Мадридом итальянском товарище Де-Роза. Доклад секретариата осветил подробно формы участия СИМ'а в поддержке, оказываемой международным рабочим движением трудящимся Испании.

Французский союз, не представленный на заседании вследствие болезни его генерального секретаря, т. Шошуа, сообщил Бюро свою точку зрения по испанскому вопросу в следующей телеграмме: «В случае, если будет вновь поднят вопрос о политике невмешательства, социалистическая молодежь Франции остается верна точке зрения правительства Блюма. Помогать нашим товарищам — да, но обеспечить мир любой ценой: таков наш лозунг. Мы убеждены, что только позиция Леона Блюма спасет Испанию и обеспечит международный мир».

В результате обмена мнений Бюро приняло резолюцию, в которой подтверждает солидарность социалистической молодежи всего мира с героической борьбой, ведущейся трудящимися массами Испании, жертвующими жизнью во имя свободы и мира Европы. Бюро вновь призывает все секции СИМ'а к активной поддержке, совместно с международным рабочим движением, дела испанской демократии и испанского рабочего движения. Тов. Умберто Тонелли, находящемуся сейчас в Испании, Бюро поручило установить непосредственный контакт с организациями и с активными работниками испанской молодежи. В заключение Бюро одобрило деятельность секретариата, относящуюся к событиям в Испании.

На 24-25 апреля назначено заседание Исполкома СИМ'а, которому будет предшествовать совещание активных работников, посвященное проблемам демократического социализма в современной международной обстановке.

Как подготовлялся московский процесс

Из письма старого большевика (Окончание)

Про дело об убийстве Кирова можно было бы рассказать очень много, — и оно, несомненно, заслуживает быть подробно освещенным в печати: ведь с этого злополучного выстрела начинается новый период истории Союза... Но такой рассказ завел бы меня слишком далеко, — а мое письмо и без того не в меру затянулось. Поэтому я остановлюсь только на тех моментах, которые важны для понимания того, как развивались внутри-партийные отношения.

Уже первые телефонограммы, принесшие в Москву известие об убийстве, не оставляли сомнения в том, что убийство носило политический характер: при Николаеве была найдена заранее написанная декларация с изложением мотивов, толкнувших его на убийство. Но при тех настроениях внутри-партийного замирения, которые сложились за последние перед тем месяцы, сразу же расценить выстрел 1 декабря, как акт террора, выросшего на почве внутри-партийной борьбы, для многих было психологически невозможно. Не хотелось верить, что тот, кто был главным защитником этой политики замирения, убит пулей оппозиционера, — и притом как раз в момент, когда ее победа казалась почти обеспеченной. Свое влияние на эти настроения оказывали и страх перед тем, какие последствия акт такого террора будет иметь для развития внутри-партийных отношений. Отсюда настроения первых дней декабря 1934 г., когда многие стремились объяснить убийство «происками одной иностранной державы» (имя ее не было нужды называть), слепым орудием которой явился Николаев. Вывод, который делали отсюда, сводился к утверждению, что это убийство не имеет значения для внутренне-политических отношений в Союзе и что линия, только что намеченная по докладам Кирова на пленуме ЦК, должна остаться полностью и без изменений руководящей линией партийной политики. Особенно ухватились за эту версию все те, кто когда-либо имел то или иное отношение к разным оппозициям, — и кто поэтому не без основания опасался теперь за свою личную судьбу. Главным рупором этих настроений в печати стал Радек, — если бы он мог предположить, что эта версия о «руке Гестапо» обернется против всех бывших оппозиционеров, в том числе и против него, Радека, лично!

К такой оценке выстрела Николаева вначале склонялись не одни только оппозиционеры. Она была вообще широко распространена, — ее, повидимому, готовы были принять и руководители НКВБ. Вспомните списки первых партий расстрелянных в ответ на выстрел Николаева: в них попали преимущественно лица, которые были заподозрены (насколько основательно, это, конечно, другой вопрос) в сно-

шениях с иностранными разведками, — сепаратистская пропаганда на Украине у нас и тогда уже считалась работой по заданиям немцев. А ведь директива об этих расстрелах была дана из Москвы под первым впечатлением от ленинградских телефонограмм.

Эта версия не стала официальной. Сталин первые дни не давал никакой руководящей директивы. Предоставляя другим искать объяснений совершившемуся, он сам сосредоточил внимание на энергичной организации расследования. Вместе с Ворошиловым и Орджоникидзе, поддержка которых ему была особенно важна для Политбюро, он немедленно же отправился в Ленинград, — и здесь дал основной тон следствию, определив его направление и размах: он лично присутствовал при некоторых наиболее важных допросах, — в частности, лично допрашивал Николаева, — и лично же руководил мероприятиями по рассасированию ленинградского управления НКВБ. Непосредственное руководство следствием было возложено на Агранова, который последние годы пользуется особым личным доверием Сталина: последний убежден, что кто-кто, а «Яша» (этим уменьшительным именем Сталин нередко называет Агранова даже на официальных заседаниях) ни в коем случае не вылетит из роли усердного и послушного исполнителя полученных им от Сталина заданий, никогда не будет руководствоваться внушениями, идущими с других сторон, — относительно других руководителей НКВБ у Сталина такой уверенности не было.

Следствие с самого начала дало ряд интересных данных. С точки зрения понимания движущих мотивов поведения Николаева особенно важным оказался дневник последнего. Выдержки из этого дневника были напечатаны в том докладе о деле Николаева, о котором мне еще придется говорить ниже, — но только очень небольшие. Вообще же об этом дневнике ходит много слухов, — порою разноречивых. Но в том, что касается общей характеристики Николаева, эти слухи сходятся. Его выстрел сыграл столь роковую роль и для страны, и для партии, что быть в отношении его полностью объективным очень трудно. Но если пытаться сохранить известную долю беспристрастности, то нельзя не признать, что в его лице мы имеем дело с типичным представителем того поколения нашей молодежи, которое было втянуто в партию стальными зубьями гражданской войны, за последующие годы прошло сквозь огонь, воду и медные трубы всевозможных ударных и неударных мобилизаций и

теперь выброшено на мель мирного строительства, — с истрепанными нервами, с подорванным здоровьем, с выпотрошенной до дна душой.

Личный жизненный путь Николаева таков: в дни наступления Юденича, едва ли не 16-летним юнцом, он пошел добровольцем на фронт и остался там до конца гражданской войны. На фронте он стал комсомольцем. Очень темным пунктом в его биографии являются его отношения к Чека — ГПУ. Скольконибудь заметной роли в работе этих органов он никогда не играл, но факт его причастности к ней является несомненным, хотя, по понятным причинам, этот факт теперь тщательно замалчивается даже в документах, предназначенных для внутри-партийного распространения. В жизни партийной организации Николаев принимал мало участия, хотя числился в партии с 1920 г., сначала по Комсомолу (в Выборгском районе); затем по общепартийной организации. В оппозиции 1925 г. участия не принимал, если не считать каких-то голосований на собраниях того периода, когда, как известно, 90% ленинградской организации поддерживало линию Зиновьева. Во всяком случае во время генеральной чистки этой организации, которой она была подвергнута после XIV партсъезда, Николаев никакой каре подвергнут не был, — даже не был переброшен в другой город (это была минимальная кара, которой были подвергнуты все «ленинградцы», хотя бы в слабой мере замешанные в оппозиции). Время после 29-30 года и до начала 33 провёл в разных командировках, главным образом на Мурмане, куда был отправлен по партмобилизации и где занимал какой-то маловажный пост по управлению принудительными работами. По возвращении вновь работал по линии ГПУ, — на этот раз, кажется (эта сторона, повторяю, держится в особо строгом секрете), в отделе охраны Смольного.

Таковы вехи формальной биографии Николаева. Записи его дневника, который охватывает последние 2 года, — весь период после возвращения с Мурмана, — говорят, каким **идейным содержанием** наполнялись эти внешние формы. Судя по всему, исходным для его настроений были его личные столкновения со все более и более бюрократизирующимся партийным аппаратом. Дневник полон записей этого рода и жалоб на исчезновение тех старых, товарищеских отношений, которые делали столь приятной партийную жизнь первых лет революции. Он часто возвращается к воспоминаниям об этом прошлом, которое рисует ему в весьма розовых красках, но очень упрощенным: каким то своеобразным «братством на крови». Теперешний формализм его раздражает и угнетает. На этой почве у него был целый ряд столкновений, которые в начале 34 года повели за собой его исключение из партии. Это исключение было скоро отменено: было установлено, что он болен на почве нервного переутомления, вызванного напряженностью работы на Мурмане, — и что поэтому к нему нельзя предъявлять суровых требований.

Эти жалобы на развивающийся в партии бюрократизм были **исходным** пунктом для критики Николаева. Но они же, по существу, остались и ее **завершением**. Поражает несоответствие между серьезностью того, что он сделал, и отсутствием глубины, **поверхностностью** его критического отношения к действительности. Я не говорю уже о том, что мира вне партии для него вообще почти не существует. Даже жизнь партии его интересует не по ее общей политической линии, а почти исключительно под углом развития отношений внутри партии. Но эти внутри-партийные отношения он воспринимает со все большей и большей остротой, постепенно начиная расценивать их как прямую измену славным традициям партийного прошлого, как измену революции вообще.

Вместе с тем у него растет настроение в известной мере **жественное**: все чаще и чаще он высказывает мысль, что кто-нибудь должен пожертвовать собою для того, чтобы обратить внимание партии на пагубные моменты в ее развитии и что сделать это можно только путем террористического акта против кого-либо, из наиболее крупных представителей той группы «узурпаторов», которые сейчас захватили власть в партии и в стране. Большое влияние на Николаева в вопросе о терроре оказало чтение мемуарной литературы русских революционеров прежних периодов. В этой области он, — как видно по его дневнику, — много читал; из мемуарной литературы террористов, — народовольцев и социалистов - революционеров, — он вообще перечитал все, что только мог достать. И свой акт он рассматривал, как прямое продолжение террористической деятельности русских революционеров прежних периодов. Передают, что во время своей беседы со Сталиным, на вопрос последнего, зачем он это сделал, ведь он теперь — погибший человек, Николаев ответил:

«Что ж, теперь многие гибнут. Зато в будущем мое имя будут поминать наряду с именами Желябова и Балмашева!»

Об этом желании провести прямую линию между своим актом и террористическими актами русских революционеров

прежних эпох говорят и некоторые другие детали дела Николаева.

Поскольку эти мотивы поведения самого Николаева были выяснены, внимание следствия было сосредоточено на двух основных темах: на поисках «соучастников» и «подстрекателей», с одной стороны, — и на выяснении степени виновности руководителей ленинградского отделения НКВБ, не предупредивших покушение, с другой.

Ответ на первый вопрос, по существу, был очень прост: в своей декларации Николаев поддерживал, что его акт является актом исключительно индивидуальным, что **никаких соучастников у него нет**. Записи дневника полностью подтверждали это утверждение. Среди них не нашлось ни одной, которая хотя бы косвенно подтверждала предположение о существовании какой-то тайной организации, членом которой Николаев являлся или по поручению которой он действовал. Во всяком случае ни одной такой цитаты не приведено в том докладе, о котором я уже упоминал, — а нет никакого сомнения, если бы такие записи в дневнике имелись, следователи не преминули бы их в этот доклад вставить. Общий же характер дневника совершенно исключает возможность предположить, чтобы Николаев систематически умалчивал в нем обо всем, что имеет отношение к тайной организации, членом которой он состоит, — если бы такая организация существовала. В нем он подробно, — и крайне неосторожно, — записывал обо всех разговорах, которые хотя бы косвенно поддерживали его в его выводах.

Но мы уже давно ушли от тех времен, когда «соучастником» и «подстрекателем» был лишь тот, кто прямо или косвенно соучаствовал или подстрекал к данному, конкретному акту. Соучастником и подстрекателем по нашим толкованиям является каждый, кто поддерживает и укрепляет те **настроения**, на почве которых вырастают определенные акты. Таких соучастников и подстрекателей найти было нетрудно. Из дневника Николаева было видно, что в Ленинграде, внутри организации и около нее, существовало немало недовольных элементов, не делавших секрета из своего критического отношения к порядкам, которые сложились в партии и в стране. Это были главным образом **бывшие оппозиционеры**, в недавнем перед тем прошлом подвергавшиеся всевозможным репрессиям, побывавшие в тюрьмах и в ссылках и только в самое последнее время возвращенные в Ленинград. Занимавшие раньше более или менее крупные посты по партийной и советской линии, привыкшие играть заметную роль в политической жизни, они теперь с трудом мирились со своим скромным положением и всегда были готовы поворчать по поводу новых порядков и сравнить их с «добрыми старыми временами». Никакой тайной организации у них не было, но многие из них поддерживали друг с другом личные приятельские отношения, начало которых восходило к очень далеким временам. При встречах обменивались информацией о партийных делах, о судьбе товарищей, продолжавших скитаться по тюрьмам и ссылкам, иногда устраивали сборы в их пользу; перемывали косточки своих наиболее ненавистных противников. Этим и исчерпывалась их политическая активность. Деятельность во внешнем мире вести почти не пробовали. Разве только изредка кто-либо из них выступал в том или ином научном обществе с докладом или с историческими воспоминаниями на одном из вечеров Истпарта...

Факт существования таких очагов **«идейно неразоружившейся оппозиции»** не был большим секретом. Знало о них и местное отделение НКВБ и терпело их, как в старые времена царская полиция терпела колонии бывших ссыльных, живших несколько особняком, «чужестранцами», не сливаясь с окружающим их обществом. За эту то среду со всеми присутствующими ему «талантами» и взялся теперь **Агранов**, получивший задание «обследовать» ее возможно более тщательным образом.

Значительно более щекотливой была вторая часть работы Агранова. Ревизия дел ленинградского отделения НКВБ установила, что руководители последнего были достаточно полно осведомлены о настроениях Николаева и даже о его симпатиях к террору. Человек несдержанный и нервный, он нередко откровенно говорил на острые темы в присутствии людей даже мало знакомых, а у нас шпионаж поставлен настолько хорошо, что оппозиционные замечания, сделанные в кругу 3-5 даже ближайших друзей, имеют все шансы быть доведенными до сведения тех, «кому сие ведать надлежит». О Николаеве до их сведения доходило оказывается очень многое. В этих условиях становилось совершенно непонятным, как его могли допустить в непосредственную близость к Кирову, — это при нашей-то тщательности охраны «вождей»! Поэтому совершенно необходимым было освещение вопроса с иной стороны: какие мотивы руководили самим Николаевым, было ясно из его документов; гораздо более

важно было бы выяснить, не было ли в данном случае прямого попустительства со стороны тех, на чьей обязанности лежало предупредить покушение? Кто был заинтересован в устранении Кирова накануне его переезда в Москву? Не тянулось ли каких-либо нитей от этих последних к тем или иным руководителям ленинградского отделения НКВБ? Думается, что расследование в этом направлении дало бы немало интересного материала. Разговоров на эти темы мне слышать не приходилось: у нас теперь вообще перестали говорить, — особенно на такие опасные темы. Но намеки, показывающие, что подобные предположения приходят на ум многим, слышать приходится и по сей час; в декабрьские же дни 1934 года у нас как-то внезапно вырос интерес к делу об убийстве Столыпина, с которым в деле об убийстве Кирова имеется очень много общих черточек.

Все эти вопросы следствием поставлены не были. Во всяком случае основное внимание следствия пошло по совсем иному руслу: если расследование о «соучастниках» с самого начала превратилось в расследование о кружках ленинградских оппозиционеров, то следствие о руководителях ленинградского отделения НКВБ быстро превратилось в следствие о том, почему они «попустительствовали» оппозиционерам, легко давая им право жить в Ленинграде, сотрудничать в печати и выступать на различных собраниях и т. д. В свое оправдание обвиняемые ссылались на устные и письменные распоряжения Кирова, который, руководствуясь своими общеполитическими соображениями, настаивал на всевозможных льготах для бывших оппозиционеров и предписывал НКВБ не раздражать последних излишними придирками.

Эти ссылки вполне отвечали фактам. Надо сказать, что за последние годы Киров вообще стремился восстановить старую зиновьевскую традицию превращения Ленинграда в самостоятельную литературно-научный центр, который в области литературной и научной продукции мог бы конкурировать с Москвой. Для этого он всячески содействовал развитию издательской деятельности в Ленинграде, создавал благоприятные условия для существования журналов (как в материальном, так и в цензурном отношении), покровительствовал деятельности научных обществ, и т. д. Привлечение к такого рода работе бывших оппозиционеров Киров всячески поощрял, как в старые времена либеральные губернаторы поощряли привлечение ссыльных к работе по научному обследованию сибирских окраин. Параллель с «чужестранцами» была верна и с этой стороны! В своем «либерализме» Киров дошел даже до того, что осенью 1934 г. разрешил поселиться в Ленинграде такому «нераскаянному» грешнику, каким является Рязанов*). Что же в этих условиях могли сделать руководители ленинградского отделения НКВБ, когда они получали распоряжения от своего непосредственного политического руководителя, одного из самых влиятельных членов Политбюро, наделенного для Ленинграда всею полнотою партийной и советской власти?

К середине декабря следствие продвинулось настолько далеко, что в Политбюро был представлен сводный о нем доклад. Обсуждение его происходило вместе с обсуждением вопроса о том, какие политические выводы следует сделать из выстрела Николаева.

*) История скитаний последнего такова: в 31 г., после нескольких месяцев заключения в тюрьме, он был сослан в Саратов, где получил место при местной библиотеке. В 1934 г. по хлопотам его иностранных друзей был поставлен вопрос об облегчении его положения. Он был вызван в Москву, где с ним вели переговоры об условиях его возвращения в партию и в Институт Маркса. Он был принят Калинин. Переговоры не дали результатов: Рязанов решительно отказался подать какое бы то ни было заявление, которое могло бы быть истолковано, как хотя бы косвенное признание им своей вины в связи с так наз. «меншевицким процессом», продолжая настаивать, что все тогдашние обвинения результат интриги против него, и требуя пересмотра своего дела. Эта непримиримость Рязанова вызвала сильное раздражение Сталина, который, по слухам, лично кому-то обещал улучшить положение Рязанова, но ни в коем случае не хотел это улучшение превратить в его реабилитацию: «интриги» 31 г. во многом были вдохновлены самим Сталиным. Выход из положения нашел Киров, который взял на себя разрешение Рязанову переселиться в Ленинград, где для последнего были созданы условия, позволявшие ему вести научную работу по интересовавшим его вопросам, — в то время как в Саратове, при бедности местных библиотек, Рязанов такой возможности был почти лишен. — В Ленинграде Рязанов оставался до начала 1935 г., когда в связи с общей «чисткой», последовавшей за убийством Кирова, ему было предложено вернуться в Саратов, где он живет и сейчас.

Как вы понимаете, меня все время интересовала позиция, занятая в спорах самим Сталиным.

Борьба, которая шла на верхах партии с осени 33 года, существенно отличалась от всех прежних конфликтов в среде нашей руководящей верхушки. В то время, как прежде все оппозиции были оппозициями против Сталина, за его устранение с поста главного руководителя партии, теперь о таком отстранении не было и намеков. Группировка проходила не по линии за или против Сталина. — все без исключения не уставали подчеркивать свою полную ему преданность. Это была борьба за влияние на Сталина, — так сказать, за его душу. Вопрос о том, к кому он примкнет в решающий момент, оставался открытым и, сознавая, что от этого решения Сталина зависит политика партии для ближайшего периода, все стремились привлечь его на свою сторону. До убийства Кирова он держался очень сдержанно; временами сочувственно поддерживал новаторов; временами их сдерживал. Не связывая себя со сторонниками новой линии, он в то же время и не выступал определенно ее противником. Он сократил прием ежедневных докладов, ограничив их самым минимумом; часто запирался в кабинете и с трубкой в зубах, часами вышагивал из угла в угол. В такие дни в его секретариате все шукали друг на друга: Сталин думал, обдумывая новую линию, а когда он думал, полагалось соблюдать абсолютную тишину.

Большое влияние на него оказывал Горький. Это были месяцы, когда влияние последнего достигло апогея. Горький защитник мысли о необходимости примирить советскую власть с беспартийной интеллигенцией, он целиком принял мысль Кирова о необходимости политики замирения внутри партии, — ибо такое замирение, сплотив и укрепив партийные ряды, облегчит партии возможность морального воздействия на широкие слои советской интеллигенции. Хорошо понимая основные черты характера Сталина, — его чисто восточную подозрительность в отношении всех окружающих, — Горький особенно старался внушить Сталину уверенность в том, что отношение к нему, к Сталину, теперь стало совсем не тем, каким оно было в моменты ожесточенных схваток с разными оппозициями, убедить его в том, что теперь все признают гениальность основной линии Сталина, что поэтому на его руководящее положение никто и не думает покушаться. А в этих условиях великодушные ко вчерашним противникам, ни в какой мере не подрывая его положения, только поднимает его моральный авторитет.

Я не достаточно хорошо знаю Сталина и не берусь судить, было ли его поведение одной игрой или в то время он действительно колебался, не поверить ли увещаниям Горького? В распоряжении последнего во всяком случае имелся один аргумент, в отношении которого Сталин был всегда податлив: мысль о том, как к тому или иному его шагу отнесется его будущие биографы? Уже давно Сталин не только делает свою биографию, но и заботится о том, чтобы в будущем ее писали в благоприятных для него тонах. Он хочет, чтобы его изображали не только суровым и беспощадным там, где речь идет о борьбе с непримиримыми врагами, но и простым, великодушным, человеческим там, где по обстановке нашей суровой эпохи он имеет право позволить себе роскошь быть тем, чем он есть в глубине своей души. По натуре весьма примитивный человек, он не прочь временами давать примитивный же выход этим настроениям. Отсюда его стремление играть роль своего рода Гарун-аль-Рашида, — благо, что тот был тоже с востока и тоже довольно-таки примитивен по натуре. Во всяком случае Горький умело играл на этой струнке, пытаясь использовать ее для хороших целей: смягчать подозрительность Сталина, умерять его мстительность и т. д. Возможно, конечно, что для Сталина решающими были и другие мотивы: кругом все были так утомлены напряжением предшествующего десятилетия, что сопротивление этому настроению могло бы привести к столкновению... Так или иначе, но нет сомнения в том, что в 1934 г. Сталин как-то отмяк, подобрел, стал более мягким в обиходе: любил встречаться с писателями, артистами, художниками, прислушиваться к их разговорам, вызывать на откровенные излияния...

Сказались эти перемены и на отношениях Сталина к бывшим оппозиционерам. Наиболее характерным в этой области было возвращение к политической деятельности Бухарина, который после нескольких лет опалы получил пост редактора «Известий». Еще более показательным была перемена отношения к Каменеву. Этот последний был, кажется, трижды исключаем из партии, и трижды каялся. В последний раз он провинился зимой 32-33 г., будучи уличен в «чтении и недонесении» платформы Рютина, т. е. документа, к которому Сталин отнесся особенно враждебно. Казалось, что на этот раз Каменев попал в опалу в серьез и надолго. Но Горькому, который очень дорожил Каменевым, удалось и на этот раз смягчить Сталина. Горький устроил встречу

Сталина с Каменевым, — встречу, во время которой, как тогда рассказывали, произошло нечто вроде объяснения в любви со стороны Каменева.

Подробностей этого объяснения, происходившего с глаза на глаз, конечно, никто не знает, но в партийных кругах тогда с одобрением отмечали его результат: Сталин, как он сам заявил почти публично, «поверил Каменеву». Последний, якобы, откровенно рассказал о всей своей оппозиционной деятельности, объяснил, почему он был раньше против Сталина и почему он теперь окончательно перестает быть его противником. Тогда же передавали, что Каменев дал Сталину «честное слово» не заниматься больше никакими оппозиционными делами, — и за это не только получил широчайшие полномочия по руководству издательством «Академия», но и обещание в ближайшем же будущем быть снова допущенным к руководящей политической работе.

В качестве, так сказать, аванса он получил разрешение выступить на XVII партс'езде, — это его выступление имело шумный успех. В нем Каменев «теоретически обосновал» необходимость диктатуры, — не партии и не класса, а единоличной диктатуры. Демократия даже внутри класса или внутри партии, — доказывал он, — годится для периодов мирного строительства, когда есть время для сговоров, взаимного убеждения. Иное в кризисные моменты: тогда партия и страна должны иметь вождя, — человека, который один принимает на себя смелость решения. Счастье, — говорил он, — партии и стране, если они имеют в такие моменты вождя, одаренного интуицией: они имеют шансы выйти победителями из самых тяжелых положений. Горе им, если на руководящем посту окажется человек, к этой роли не пригодный: тогда им грозит гибель... Вся речь была построена в произнесена так, что у слушателей не оставалось сомнений в том, что Сталина оратор считает вождем первого типа, и с'езд устроил оратору овацию, перешедшую в овацию по адресу Сталина... И только уже много позднее разобрали, что речь была построена в достаточной-таки мере маккиавеллистки, что при внимательном чтении она может произвестись и прямо противоположное впечатление. Именно в нее метил **Вышинский**, когда на последнем процессе громил Каменева, как лицемерного последователя **Маккиавели**...

**

• Если относительно Сталина можно думать, что он одно время относился сочувственно к планам полной перемены партийного курса и к политике замирения внутри партии, то его ближайшее окружение, его рабочий штаб, был целиком против нее. Не потому, чтобы представители этого штаба были принципиальными противниками перемен в общей политике партии, — перемен, которые входили составными частями в планы Кирова и его друзей. Вопросы большой политики этому штабу были в значительной мере безразличны, здесь они, как показало дальнейшее, готовы были и на более крутые повороты, чем тот, который предполагал провести Киров. Противниками чего они со всею решительностью были, это перемены внутри-партийного курса. Они знали: если Сталину многие были готовы простить отрицательные стороны его характера за то большое, то в нем имеется, то его подручным, которые как раз на этих отрицательных чертах характера Сталина спекулируют, прощения при изменении внутри-партийного режима не будет. Ведь борьба шла не за или против Сталина, а за влияние на него, т. е. в переводе на язык Оргбюро — за замену рабочего аппарата ЦК новыми людьми, готовыми принести сюда новые навыки, новое отношение к людям. И вполне естественно, что этот старый штаб всеми силами сопротивлялся переменам.

Во главе этого сопротивления стояли **Каганович** и **Ежов**.

Первый несомненно является очень незаурядным человеком. Без большого образования, но с умением налету схватывать и осваивать мысли собеседников, он выделяется своей работоспособностью, точностью памяти, организационными талантами. Никто не умеет лучше него руководить всевозможными совещаниями и комиссиями, когда от председателя требуется умение ввести прения в русло, заставить говорить только по делу и притом руководить этими разговорами по существу. И можно только пожалеть, что такая талантливая голова принадлежит человеку, о моральных достоинствах которого едва ли есть два мнения. В партийных кругах он известен своей ненадежностью. На его слово полагаться нельзя: он так же легко дает обещания, как потом от них отрекается... Может быть, в том повинны внешние условия: он начал делать свою большую партийную карьеру в период, когда на вероломство был большой спрос... Но, с другой стороны, разве он не был одним из тех, кто больше всего способствовал росту этого спроса?

Его верным помощником был **Ежов**. Если относительно Кагановича временами дивнисься, зачем он пошел этим путем, когда мог бы сделать свою карьеру и честными средствами, то в отношении Ежова такого удивления родиться не может: этот свою карьеру мог сделать только подобны-

ми методами. За всю свою, — теперь, увы, уже длинную, — жизнь мне мало приходилось встречать людей, которые по своей природе были бы столь антипатичны, как Ежов. Наблюдая за ним, мне часто приходят на ум те злые мальчишки из мастеровых Растеряевой улицы, любимой забавой которых было зажечь бумажку, привязанную к хвосту облитой керосином кошки, и любоваться, как носится она по улице в безумном ужасе, не имея возможности освободиться от все приближающегося к ней пламени... Я не сомневаюсь, что в детстве он действительно занимался подобными забавами, в другой форме и на другом поприще он продолжает их и поныне. *Надо наблюдать за ним, как он изводит того или иного оппозиционера из бывших крупных партийных деятелей, если ему разрешено в досталь поизмываться над ним. В молодости им, очевидно, немало помыкали. Неделка, повидимому, была и его партийная карьера. Его несомненно третируют и не любили, — и у него накопился беспредельный запас озлобления против всех тех, кто раньше занимал видные посты в партии, — против интеллигентов, которые умеют красиво говорить (сам он не оратор), против писателей, книгами которых зачитываются (сам он ничего кроме доносов никогда не писал), против старых революционеров, которые гордятся своими заслугами (сам он в подполье никогда не работал)... Лучшего человека для эпохи, когда гонения на старых большевиков стали официальным лозунгом «омоложенной» большевистской партии, трудно было бы и выдумать. Единственный талант, которым он бесспорно щедро наделен от природы, это — талант закулисной интриги. И он не упускает случая пускать его в действие. Почти полное десятилетие, проведенное им в аппарате Оргбюро и ЦКК, дало ему редкое знание личных качеств активных работников партийного аппарата. *Людей мало-мальски независимых, стойких в своих убеждениях и симпатиях, он органически ненавидит и систематически оттирает от руководящих постов, проводя на них людей, готовых беспрекословно выполнять любое распоряжение сверху. Конечно, такую линию он может вести только потому, что она благословлена свыше, но в манере ее проведения в жизнь Ежов внес немало своей индивидуальности... В результате за эти 10 лет он сплел целую сеть из своих надежных друзей. У него они имеются всюду, во всех отраслях партийного аппарата, во всех органах советского управления, не исключая и НКВБ, и армии. Эти люди ему особенно пригодились теперь, когда он поставлен во главе НКВБ и радикально «омолодил» руководящий состав последнего. К стати: из всех руководящих работников бывшего ГПУ Ежов сохранил на его посту одного только **Яшу Агранова**... Они — старые и верные друзья!

**

Этот дуумвират, — **Каганович** и **Ежов**, — с самого начала высказывался против политики замирения внутри партии. Пока был жив Киров, их выступления не отличались большой решительностью. Они довольствовались тем, что настроивали против нее Сталина, растравляя его природную недоброжелательность ко всем, в ком он хотя бы раз видел врага, да всеми силами саботировали переселение Кирова в Москву, превосходно понимая, что это переселение поставит на очередь вопрос о переменах в личном составе партийного аппарата, с таким старанием ими подобранного. На ноябрьском пленуме этот саботаж был, наконец, сломан, но переселение Кирова все-таки состояться не могло... И вот теперь, после смерти Кирова, которая выгодна была только этому дуумвирату, они выступили открыто.

Доклад Агранова был составлен целиком в их духе. Безобидные ленинградские фронтеры из бывших оппозиционеров были изображены в виде заговорщиков, носившихся с планами систематического террора. В качестве их центра была изображена группа бывших руководителей Комсомола **Выборгского района** в период Зиновьева, — во главе с **Румянцевым**, **Котольновым**, **Шатским** и др. С осени 34 г. эти последние действительно встречались почти регулярно: дело в том, что ленинградский Истпарт поставил на очередь вопрос о составлении истории комсомольского движения в Ленинграде и организовал по районам, при истпарткомиссиях, систематические вечера воспоминаний бывших деятелей Комсомола. На эти вечера почти силком тащили бывших активных деятелей Комсомола зиновьевского периода, — даже таких, которые (напр., Шатский) совершенно ушли от всякой политики. По Выборгскому району вечера комсомольских воспоминаний проходили наиболее оживленно. Очень интересны были, в частности, рассказы **Румянцева**, того самого, который в начале 1926 г. на пленуме ленинградского Губкома Комсомола провалил поправку официальных представителей ЦК о признании Губкомом правильными решений XIV партс'езда, как известно, решительно осудившего зиновьевцев. Тогда это поведение Румянцева было встречено в штыки «Ленинградской Правдой», временно редактировавшейся Скворцовым. В своих теперешних воспомина-

ниях Румянцев коснулся и времен зиновьевской оппозиции, и говорил о них, надо признать, не вполне в духе официального благочестия. По поводу этих воспоминаний было немало разговоров, и Агранов взял их за исходный пункт для своих построений, выдав испартовские встречи за совещания оппозиционеров, — благо эти встречи посещал и Николаев.

Что можно вышить на такой канве, знают все, интересовавшиеся продукцией Агранова. В данном случае он превзошел самого себя и, не довольствуясь Ленинградом, протянул нити и в Москву, к Зиновьеву и Каменеву, которые имели неосторожность встречаться со своими бывшими приверженцами, когда они попадали из Ленинграда в Москву. Получалась картина **разветвленного заговора**, составленного лидерами старой оппозиции в тот момент, когда на верхах шел спор о замирении.

Специально для Сталина доклад особенно напирал на показания, доказывавшие, что **Каменев**, которому он, Сталин, «поверил», своего честного слова не держал и не только, зная об оппозиционных настроениях, не сообщал о них в ЦКК, но и сам не отказывал себе в удовольствии делать в беседах с друзьями хотя и осторожные, но не вполне лояльные заявления.

Обсуждение этого доклада на Политбюро прошло в очень напряженном настроении. На очереди стояло два вопроса: во-первых, о том, как поступить с обнаруженными следствием «соучастниками» и «подстрекателями» и, во-вторых, какие **политические** выводы сделать из факта обнаружения заговора оппозиционеров. Последний вопрос отгеснил первый. **Настроение большинства было против перемены курса**, намеченного на пленуме ЦК, который предусматривал ряд реформ в области экономической и введение новой конституции в области политической. В этом вопросе они, казалось, победили. Сталин категорически заявил, что все эти мероприятия непременно должны быть проведены, что он так же является решительным их сторонником, и что намеченный Кировым план должен быть подвергнут пересмотру только в одном пункте: в виду выяснившейся несклонности оппозиции провести полное «разоружение», партия должна в интересах самозащиты провести новую энергичную проверку рядов бывших оппозиционеров, — в первую очередь «троцкистов», «зиновьевцев» и «каменевцев». Не без колебаний, но эта линия была принята. Что же касается до первого вопроса, то здесь решено было передать дело в руки советского суда, как обычное дело о терроре, представив следствию привлечь к делу всех, кого оно сочтет нужным. Это была **выдача лидеров оппозиции на суд и расправу**.

**

По принятии этого решения партмашина была пущена в ход. Поход против оппозиции был открыт **пленарными собраниями Московского и Ленинградского комитетов**. Проведенные в один и тот же день, они были обставлены особо торжественно, с докладчиками от Политбюро и пр. Членам их был роздан объемистый доклад о деле Николаева, — тот самый, о котором я уже упоминал выше: с цитатами из дневника Николаева, с выдержками из показаний и пр. документами. Издан он был в самом ограниченном количестве экземпляров, выдавался под личную роспись членов комитетов и подлежал по минованию надобности сдаче под роспись же в секретариат соответствующего комитета: чтобы избежать утекчи такого рода документов в ненадлежащие руки, они не остаются на руках отдельных лиц, а подлежат сдаче в секретариаты комитетов, где хранятся в особо секретных шкафах... Но даже и в этом секретном докладе не была приведена полностью та декларация, которую нашли при Николаеве в момент его ареста: знать ее полностью, очевидно, не полагается даже этому узкому кругу лиц. Эти пленумы прошли, конечно, без каких-либо прений. Заранее заготовленные резолюции были приняты единогласно и на следующий же день все ценные псы были слущены со своих привязей. И в прессе, и на собраниях началась бешеная **травля всех оппозиционеров**, — особенно из бывших «троцкистов» и «зиновьевцев». Так создавалось «общественное мнение», необходимое для проведения расправы.

Первый процесс возбудил сравнительно мало разговоров. Подсудимые были обречены. Заступаться за них никто не смел. На заседания суда никто допущен не был, даже из родственников. Впрочем, последних найти на воле было трудно, во всяком случае не в Ленинграде, где все, стоявшие в каких-либо личных отношениях с подсудимыми, были переставлены без разбора возраста, пола и партийности, как подозреваемые в «соучастии». Присутствовали только те, кому присутствовать надлежало по их служебному положению. Этим объясняется почему об этом процессе так мало говорят. Несомненно во всяком случае одно: прошел он далеко не гладко: почти все подсудимые **оспаривали возведение**

на них обвинение, отрицали приписываемые им показания и говорили о **давлении**, которое на них было оказано во время следствия. Ни один из них не признал существования «заговорщического» центра. Конечно, все эти протесты были напрасны.

Еще более секретно был обставлен процесс **руководителей ленинградского отделения НКВД**, но он прошел в совсем других тонах: обвинения были предъявлены относительно мягкие, подсудимые свои вины признавали, но оправдывали себя директивами, которые шли от Кирова. Приговор поразил своей мягкостью всех, кто знаком с тем, как строго у нас взывают даже за простую небрежность, если дело идет об охране личности «вождей». Даже **Бальцевич**, на котором лежало главное руководство охраной Смольного, был признан виновным лишь «в преступно халатном отношении» к своим служебным обязанностям и получил 10 лет концлагеря. Начальник же ленинградского отделения и его заместители отделались всего 3-2 годами, причем все они сразу же получили ответственные назначения на разные посты по управлению концлагерями, так что фактически приговор для них означал лишь понижение по должности...

Совсем иной характер носил процесс **Зиновьева, Каменева и др.** С самого начала он был задуман, как «показательный», проводимый в свете «полной гласности» и ставящий своей задачей окончательно «равнять» лидеров «ленинградской» оппозиции в глазах ленинградского населения. Подсудимые, которые, кажется, все последние годы проживали вне Ленинграда, были в последний доставлены из Москвы и др. городов. По своему составу это был процесс **Ленинградского Комитета времен Зиновьева**, с исключением, конечно, тех немногих, кто и тогда были верными сталинцами. Им было объявлено, что «партия от них требует» помощи в борьбе с террористическими настроениями, вырстающими на почве крайней фракционной борьбы, которую они в свое время развязали, и что эта помощь ими должна быть оказана в форме **политического принесения себя в жертву**: только покаянные выступления перед судом вождей оппозиции, принимающих на себя ответственность за эти террористические настроения и решительно их осуждающих, могут остановить их бывших последователей, предостеречь их против продолжения такой деятельности. Это предложение многих испугало и оттолкнуло, — главным, кто агитировал среди подсудимых за его принятие, был **Каменев**.

Этот последний перед своим арестом был вызван к Сталину, повидимому, это было еще перед решающим заседанием Политбюро. **Сталин** якобы хотел в личной беседе проверить, действительно ли Каменев не сдержал своего слова, данного ему, Сталину, лично, — и, несмотря на клятвенное обещание, продолжал поддерживать оппозиционные связи. Передают, что это объяснение носило драматический характер. В Москве бывшие оппозиционеры действительно поддерживали между собою «общение на почве совместного чаепития», приправленного фронтными разговорами, подобно тому как это имело место в Ленинграде, и **Каменев**, хотя сам на эти чаепития не приходил, но о существовании их знал, информировался о тех разговорах, которые там велись, и в доверительных беседах с отдельными участниками их заявлял, что он остается в душе тем, кем был раньше. Эти заявления Каменева были известны всем участникам «чаепитий», кто-то из них рассказал о них своим ленинградским друзьям-единомышленникам, а от последних о них узнал **Агранов**. Теперь Каменев пытался говорить, что его не поняли, неправильно истолковали, но в конце концов признал свою вину и снова каялся, даже плакал. Но Сталин заявил, что теперь он уже не верит и предоставляет делу пойти в «нормальном» судебном порядке.

**

Надо признать, что с точки зрения политической этики введение огромного большинства оппозиционеров действительно стоит далеко не на нужной высоте. Конечно, условия, которые существуют у нас в партии невыносимы. Быть лояльным, полностью выполнять те требования, которые к нам ко всем предъявляются, нет никакой возможности: пришлось бы превратиться в **доносчика** и бегать в ЦКК с докладами о каждой оппозиционной фразе, которую более или менее случайно услышал, о всяком оппозиционном документе, который попал на глаза. Партия, которая такие требования предъявляет к своим членам, конечно, не имеет основания жалеть, что на нее будут смотреть, как на свободный союз добровольно для определенных целей объединившихся единомышленников. **Лгать нам приходится всем**, без этого не проживешь. Но есть определенные грани, за которые в лгание переходить нельзя, а оппозиционеры, особенно лидеры оппозиционеров, эти грани, к сожалению, очень часто переходили.

В былые времена мы, старые «политики», имели определенный этический кодекс в отношении общения с миром правителей. Была пресуппозиция подача прощений о помиловании: сделавший это был политически конечным человеком. Когда мы сидели в тюрьмах или были в ссылке, мы избегали давать начальству обязательство не совершать побегов, даже в тех случаях, когда подобное обязательство могло принести льготы: мы — их пленники. Их дело — нас караулить; наше — стараться от них убежать. Но если в тех или иных исключительных условиях такое обязательство дать оказывалось необходимо, то его надлежало строго выполнять: воспользоваться льготой, полученной на «честное слово», для побега, считалось поступком позорным, и старая каторга хорошо помнила имена тех, кто такие проступки совершил, опозорив тем имя «политика».

Теперь психология стала совсем иной. Подача прошения о помиловании теперь стала считаться вещью самой обычной: это — моя партия и в отношении ее совершенно неприменимы те правила, которые были выработаны в царские времена, — таков аргумент, который приходится встречать на каждом шагу. Но в то же время эту «мою партию», оказывается, можно на каждом шагу обманывать, ибо она с идейными противниками борется методами не убеждения, а принуждения. В результате сложилась особая этика, допускавшая принятие любых условий, подписание любых обязательств, — с заранее обдуманным намерением их не выполнять, — этика, особенно широко распространенная среди представителей старого поколения партийцев: с нею только теперь и то с большим трудом начинает порывать молодежь...

Эта новая этика чрезвычайно разлагающе действовала на ряды оппозиционеров: грани допустимого и недопустимого совершенно стирались, и многих она доводила до прямого предательства, до прямых, неприкрытых измен. И в то же время она давала убедительный довод тем, кто был противником каких бы то ни было сговоров с бывшими оппозиционерами: разве можно им верить, ведь они принципиально признают возможным говорить неправду? Как различить, где они говорят правду, где — лгут? По отношению к ним правильной будет только одна линия: не верить никому из них и никогда, что бы они ни говорили, как бы ни клялись. Именно на этой точке зрения стоял с самого начала таких споров Ежов, и теперь его линия одерживала решительную победу.

Несмотря на все старания Каменева, который был совсем раздавлен арестом и делал все возможное, чтобы снова заставить поверить в свое раскаяние, убедить всех привлеченных к «делу Ленинградского Комитета партии» (именно так было бы правильно называть тот процесс) выступить с решительным признанием своей вины, не удалось. Поэтому план устроить показательный процесс провалился: ставить в такой острый момент процесс, на котором часть подсудимых оспаривала бы заявления другой части, было сочтено невозможным. И этот процесс прошел при закрытых дверях, и его результаты не удовлетворили никого. Ежов требовал смертной казни, и в этом духе велась кампания в прессе и на собраниях. Но среди старых большевиков с этой мыслью многие еще не могли примириться. К Сталину обращались с просьбами о неприменении казни не только отдельные заслуженные члены партии: в обществе «старых большевиков» открыто производили сборы подписей под коллективным заявлением в Политбюро с напоминанием об основном завете Ленина: пусть кровь не ляжет между нами... Для «высшей меры наказания» почва явно не была еще подготовлена и в Политбюро Сталин сам внес предложение не применять этой меры в данном процессе. Для него было достаточно, что вопрос о ней был открыто поставлен... Но с тем большей энергией принялись за дальнейшую чистку партии.

В создавшейся обстановке только вполне естественным явилось быстрое возвышение Ежова. Он не только вошел в Политбюро, но и занял пост пятого секретаря ЦК, то самое место, для занятия которого Киров должен был переселиться в Москву. Ему были подчинены все те отделы, ведать которыми должен был Киров. В Политбюро соотношение сил вообще переменялось: оба места, освободившиеся после смерти Кирова и Куйбышева (оба были сторонниками политики «замирения»), были заняты самыми решительными противниками каких бы то ни было послаблений.

Получив надлежащие полномочия, Ежов принялся за энергичную чистку аппарата. Было закрыто общество бывших каторжан: преимущественно из изданий этого общества Николаев черпал свой террористический пафос... Было закрыто и общество «старых большевиков»: здесь нашли свой приют «фрондирующие старики», не умеющие понять «требований времени». Была ликвидирована Комакадемия, где окопались «теоретики». Стецкий провел энергичную чистку редактор-

ского состава прессы как провинциальной, так и столичной. В начале весны был поставлен «второй процесс Каменева» в связи с заговором на жизнь Сталина, в котором участие принял ряд чинов кремлевской охраны. Судя по всему, в основе этого процесса лежало зерно истины: процесс этот у нас так старательно замолчали, как это делают только с процессами, в которых судят действительных, не сломленных противников. Каменев к этому делу был припутан, конечно, совсем напрасно: отношения к нему он не имел явно никакого, но имя его должно было фигурировать в деле для дальнейшей дискредитации оппозиции. А личное отношение Сталина к нему было таким, что усердие в нападка на него могло быть только выгодно. Но в основе дела, повторяю, все же лежало какое-то зерно истины: по меньшей мере, были разговоры о необходимости последовать и в Москве по пути, который в Ленинграде был проложен Николаевым... Но надзор за охраной в Кремле был много более бдительным, чем в Смольном.

Важнейшими результатами этого процесса были, с одной стороны, падение Енукидзе, а с другой, «первое предостережение», посланное по адресу Горького.

Енукидзе принадлежал к числу старых и близких личных друзей Сталина. Последний его несомненно по своему любил и до конца поддерживал с ним близкие личные отношения: Енукидзе был одним из тех очень немногих людей, к кому Сталин иногда заезжал в гости, кого неизменно приглашали на все приятельские вечеринки с участием Сталина, — такие вечеринки обычно им и устраивались. Енукидзе был дружен с покойной женой Сталина, которая ребенком играла у него на коленях, а Сталин относился ко всем воспоминаниям о своей покойной жене с мягкостью, совершенно не свойственной его натуре. Енукидзе был, наконец, человеком, относительно которого Сталин был вполне уверен, что он не ведет никаких под него подкопов. И тем не менее он пал. Причиной была помощь, которую Енукидзе оказал осужденным по ленинградскому процессу и их семьям.

Надо сказать, что Енукидзе вообще довольно широко оказывал помощь политзаключенным и ссылкой, — это было известно всем и в партийных кругах, и в среде арестуемых и ссылаемых. Конечно, знал об этом и Сталин, и не только по докладам ГПУ, но и по рассказам самого Енукидзе, который, как передают, имел неофициальное согласие Сталина на такого рода свою деятельность: без такого согласия Сталина эта деятельность Енукидзе была бы совсем невозможна.

Но времена теперь изменились. Ежов заявил, что милосердие Енукидзе расслабляюще действует на аппарат и что для приведения последнего в полную боеспособность необходимо устранение Енукидзе. Говорят, Сталин пытался в известной мере защитить Енукидзе, но очевидно не сильно, и в результате последний был полностью снят со своих постов. Единственное, в чем ему Сталин помог, это в том, что он не подвергся никаким дополнительным карам, а получил спокойное, хотя и далекое от какого бы то ни было политического влияния место на Северном Кавказе: по управлению домами отдыха и курортами... Близкие к Ежову лица это поведение Сталина пытаются окутать ореолом особого благородства: когда-де это оказалось нужным в интересах партии и страны, Сталин не колебался принести в жертву свои личные чувства... На самом же деле это выглядит совсем иначе: поскольку он превосходно знал об этой стороне деятельности Енукидзе и разрешал ее, постольку поведение Сталина походит скорее на простое предательство...

Более сложным было дело с Горьким. После убийства Кирова Горький пришел в ярость и требовал расправы с террористами. Но как только выяснилось, что этот выстрел хотят использовать политически для полного поворота той линии, которая была намечена в 34 г. и на которую он сам потратил так много усилий, Горький употребил все свое влияние, чтобы остановить Сталина, отговорить его от вступления на это путь. Особенной остроты его недовольство достигло во время второго процесса Каменева, когда жизни последнего грозила серьезная опасность.

Все эти усилия остались безрезультатными. Сталин перестал приходить к Горькому, не подходил к телефону на его вызовы. Дошло даже до того, что в «Правде» появилась статья Заславского против Горького, — вещь, еще накануне перед тем совершенно невозможная. Все, кому ведать надлежит, превосходно знали, что Заславский эту статью написал по прямому поручению Ежова и Стецкого: его вообще теперь часто выбирают для такого рода поручений... Перо — бойкое, а моральных правил — никаких. Горький бунтовался, дошло даже до того, что он потребовал выдачи ему паспорта для выезда за границу. В этом ему было категорически отказано, но до более внушительных мер против него дело не дошло: все-таки Горький, это — Горький, с поста его не снимешь, от должности не отставишь...

**

Все эти меры **внутри-партийного террора**, следовавшие за первым процессом Каменева-Зиновьева, остались для стороннего наблюдателя совсем неизвестными. Да и в партии на них обратили сравнительно мало внимания. Они проходили за кулисами, — для внешнего мира начало 1935 года было периодом настоящей «советской весны». Реформы следовали одна за другой и все они были в одну точку: **замирение с беспартийной интеллигенцией**, расширение базы власти путем привлечения к активному участию в советской общественной жизни всех тех, кто на практике, своей работой в той или иной области положительно советского строительства показал свои таланты и преданность советской власти. Все, что перед тем поддерживал планы Кирова, теперь приветствовали мероприятия Сталина: эти мероприятия ведь так походили на то, что было необходимой составной частью планов Кирова! Для Горького же примирение советской власти с беспартийной интеллигенцией вообще было затаенной мечтой всей его жизни, — оправданием того компромисса с самим собою, который он совершил, вернувшись из Соренто в Москву.

В этих условиях продолжающийся внутри-партийный террор казался какой-то досадной случайностью, не в меру долго тянувшейся реакцией на выстрел Николаева, но никак не симптомом предстоящей радикальной перемены всего курса партийной политики. Все были уверены, что простая логика последовательно проводимой политики сближения с интеллигенцией неминуемо должна вынудить партийное руководство вернуться на рельсы политики замирения и внутри партии. Вот пусть только у Сталина пройдет этот острый приступ его болезненной подозрительности! Для этого нужно как можно чаще и настойчивее подчеркивать преданность партии ее теперешнему руководству, при всех удобных и неудобных случаях курить фимиам Сталину лично (что же делать, если у него имеется такая слабость, если только такими лошадиными дозами лести можно успокоить его мнительную натуру). Надо научиться прощать эти мелочи за то большое, что сделал для партии Сталин, проведя ее через критические годы первой пятилетки, и в то же время еще более громко, еще более настойчиво говорить о том, какая огромная перемена теперь совершается, в какой новый период «счастливой жизни» мы вступаем, когда в основу всей политики партии кладется воспитание в массах чувства человеческого достоинства, уважения к человеческой личности, развитие основ «**пролетарского гуманизма**».

Как наивны мы все были в этих наших надеждах! Оглядываясь назад, сейчас даже трудно понять, как мы могли не замечать симптомов, свидетельствовавших о том, что мы движемся в совсем другом направлении, что развитие идет не к установлению замирения внутри партии, а к доведению внутри-партийного террора до его логического завершения: к периоду **физического уничтожения** всех тех, кто по своему партийному пробитию может стать противником Сталина, кандидатом в его наследники у кормила власти. Сейчас для меня нет никакого сомнения, что именно в этот период, между убийством Кирова и вторым процессом Каменева, Сталин принял свое решение, разработал свой план «реформ», необходимыми составными частями которого является и процесс 16-ти и все те другие процессы, о которых нам предстоит узнать в более или менее близком будущем. Если до убийства Кирова он еще колебался, не зная, каким путем ему пойти, то теперь он решил.

**

Основным, что определило характер этого решения, были сводки, доказавшие, что действительное **настроение подавляющего большинства старых партийных деятелей является резко враждебным к нему, к Сталину**.

Процессы и расследования, которые велись после дела Кирова, с несомненностью показали, что партия не примирилась с его, Сталина, единоличной диктатурой, что несмотря на все парадные заявления в глубине души **старые большевики** относятся к нему отрицательно, и это отрицательное отношение не уменьшается, а растет, и что огромное большинство тех, кто сейчас так распинается в своей ему преданности, завтра, при первой перемене политической обстановки, ему изменит.

Это был основной факт, который Сталин установил на основе всех тех материалов, которые были собраны во время расследований после выстрела Николаева. Надо отдать ему должное: он сумел и найти обоснование этому факту и сделать из него несомненно безбоязненные выводы. Причиной этого отношения, по мнению Сталина, являются **самые основы психологии старых большевиков**. Выросшие в условиях революционной борьбы против старого режима, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров, непримири-

мых протестантов. Хотим мы этого или не хотим, наш ум работает в направлении **критики** всего существующего, мы всюду ищем прежде всего слабых сторон. Короче, мы все — не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, — теперь, когда мы должны заниматься **положительным строительством**, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом скептиков и критиков ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам **предстоящей войной**.

И вывод, который он сделал отсюда, ни в коем случае нельзя назвать робким: если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать **новый правящий слой**. В планах Кирова примирение с беспартийной интеллигенцией, вовлечение беспартийных рабочих и крестьян в общественную и политическую жизнь страны, было средством расширения социальной базы власти, средством сближения последней со всеми демократическими слоями населения. В плане Сталина те же мероприятия приобрели совсем иное значение: они должны помочь такой перекройке правящего слоя страны, при которой из его рядов были бы изгнаны все, зараженные духом критики, и был бы создан новый правящий слой с новой психологией, устремленной на положительное строительство.

Было бы слишком долго пересказывать во всех подробностях, какие были проведены **подготовительные мероприятия** для реализации такого плана. Наибольшее внимание было направлено, конечно, на **обработку партийного аппарата**, который во многих частях был радикально обновлен. Несомненно также, что Сталин заранее решил свои мероприятия в этом направлении довести до конца, до **проведения в жизнь новой конституции**. Мы ждали, что кому-кому, а старым большевикам эта конституция во всяком случае принесет хоть некоторые гарантии прав человека и гражданина». В построениях Сталина она играла совсем другую роль: она должна была помочь ему в деле окончательного устранения нас от влияния на судьбы страны. Остальное определили обстоятельства более или менее случайные.

Влияние Горького после второго процесса Каменева сильно упало. Но звезда его не окончательно потухла: внешнее примирение его со Сталиным состоялось, и он был до конца единственным, с кем Сталин хотя бы в известных пределах продолжал считаться. Возможно; будь он жив, августовский процесс все же не имел бы такого конца. Во всяком случае несомненно, что смерть Горького окончательно развязала руки всем тем, кто в ближайшем окружении Сталина требовал **ускорения расправы**.

**

В конце июля в Москве при закрытых дверях и конечно при полном отсутствии гласности разбиралось дело **небольшой группы студентов-комсомольцев**, обвинявшихся в **подготовке покушения на Сталина**. Это были почти сплошь зеленые юнцы. Сделать они ничего не успели, дальше разговоров не пошли. Но разговоры велись серьезные, решимость идти до конца, повидимому, была. Одно из тех дел, которых у нас сейчас проходит немало: взрывчатого материала в стране накопилось достаточно! На суде большинство из них не отрицало своих планов и заботилось только о том, чтобы спасти некоторых из своих личных друзей, случайно попавших на скамью подсудимых. Дело было не сложным, и приговор не представлял сомнений: после дела Николаева, все разговоры о терроре у нас караются только одной карой... Тем более были удивлены судьи, когда предстатель обвинения потребовал **направления дела к доследованию**.

После стало известно, что требование это он выставил по предложению высшего начальства, а последнее действовало по прямым **инструкциям из секретариата ЦК**: в последнем было решено это маленькое дело использовать политически. Доследование было поручено Агранову, — это сразу определило его тон. От подсудимых-студентов протянули нити к их **профессорам политграмоты и партийной истории**. В любых лекциях по истории русского революционного движения всегда легко найти страницы, которые содействуют развитию критических настроений по отношению власти, а молодые, горячие головы всегда любят свои умозаключения относительно настоящего подкреплять ссылками на те факты, которые им сообщали, как официально установленные, еще на школьной скамье. Агранову предстояло только сделать выбор, каких именно из названных профессоров следует считать соучастниками. Этим путем были набраны **первые из подсудимых для процесса 16-ти**.

Еще легче было протянуть нити от них к старым большевикам, из бывших **руководителей оппозиции**. Часть материала

НОВАЯ КНИГА
Friedrich Adler
Le procès de Moscou

(Un procès en sorcellerie)

Prix : 3 francs

Приобретать можно через контору "Соц. Вест."

была готова уже заранее: Агранов, который после дела Николаева руководит всеми делами против оппозиционеров, такого рода документов наготовил много про запас. Весь вопрос сводился только к тому, какой размах захотят придать делу высшие партийные инстанции. Подготовительные работы велись в большом секрете. В Политбюро вопрос заранее не обсуждался. **Молотов** и **Калинин** уехали в отпуск, не зная, какой **сюрприз** им готовится. После дела Николаева предание видных членов партии суду ревтрибунала не нуждается в предварительном согласии Политбюро, если этим членам партии инкриминируются деяния террористического характера. С самого начала в дело был посвящен **Вышинский**. Всем руководил — **Ежов**.

Процесс явился полным сюрпризом не только для рядовых партийных работников, но и для членов ЦК и во всяком случае для части членов Политбюро. **Сталин** на все дал согласие, а потом, когда процесс был в полном ходу, уехал **отдыхать на Кавказ**: чтобы нельзя было устроить заседание Политбюро для обсуждения вопроса о судьбе осужденных. Этот вопрос решался только в официальных инстанциях, — в президиуме ЦИК: там никто не посмел поднять голос против казни... Некоторая борьба была по вопросу о дальнейших процессах и о круге лиц, которых надлежит к ним привлекать. Под давлением некоторых из членов Политбюро было выпущено заявление о реабилитации **Бухарина** и **Рыкова**, — характерно, что оно было издано даже без допроса этих обвиняемых. Об этой уступке **Ежов** теперь жалеет и не скрывая говорит, что он еще сумеет ее исправить. **Сталин** во время отпуска на все такие вопросы систематически не давал никакого ответа, но теперь открыто занял позицию: **довести чистку до конца**. На него не действует и аргумент об отношении общественного мнения Европы, — на все такого рода доводы он презрительно отвечает: «Ничего, проглотят». Те, кто будут возмущаться процессом, по его мнению, не умеют и не могут оказывать определяющее влияние на политику своих стран, а «газетные статейки» его ни в малой степени не волнуют.

Будут ли дальнейшие процессы, пока еще неизвестно, по инструкции **Агранову** даны самые суровые: вычистить до конца. **Ягода** слетел, так как он пытался в легкой форме противодействовать постановке процесса, о котором он узнал только после того, как почти все уже было готово: он настаивал на постановке вопроса о процессе перед Политбюро. Против него **Аграновым** было выдвинуто обвинение в покрывании старых партийных деятелей, и теперь он находится фактически под домашним арестом. **Ежов**, приняв НКВБ, сместил всю руководящую головку старого ГПУ, из «стариков» он оставил у себя одного только **Агранова**. Новый аппарат НКВБ в центре и на местах набран из аппарата **партийных секретариатов**: это все те люди, которые и раньше работали с **Ежовым**, были его доверенными людьми. Ходят слухи о том, что ряд арестованных умер в тюрьме: допросы проводятся жесткие, и перед допрашиваемыми стоит простой выбор: или признать все, что от них требует **Агранов**, или погибать. Расстрелов пока не было, если не считать **расстрелов иностранцев**, которых всех обвиняют в связях с Гестапо, польской охраной и т. д. Но в списки таких «иностранцев» при желании относят и коренных русских: говорят, будто так именно поступили с **Л. Сосновским**... Об иммигрантах, хотя бы и принявших советское подданство, уже и говорить не приходится...

• Все мы, **большевики**, у кого есть мало-мальски крупное революционное прошлое, сидим сейчас каждый в своей норке и дрожим. Ведь теоретически доказано, что мы являемся

все нежелательным элементом в современных условиях. Достаточно попасть на глаза кого-либо из причастных к следствию, чтобы наша судьба была решена. Заступиться за нас никто не заступится. Зато на **советского обывателя** сыпятся всевозможные **льготы и послабления**. Делается это сознательно: пусть в его воспоминаниях расправа с нами будет неразрывно связана с воспоминанием о полученных от Сталина послаблениях...

Y. Z. •

*

От редакции. — Совершенно исключительный интерес печатаемого письма старого большевика состоит в том, что оно позволяет заглянуть за кремлевские кулисы, куда теперь труднее, чем когда-либо, проникнуть постороннему взору.

Разумеется, сообщения такого рода не поддаются проверке с нашей стороны, и мы оставляем их всецело на ответственности корреспондентов. Но именно из большевистских кругов наш орган неоднократно получал ценнейшую и достовернейшую информацию: напомним хотя бы о «завещании» **Ленина**, ставшем известным впервые из «С. В.». Советская печать давно уже перестала быть ареной не только свободной мысли, но и честной информации. Сталинская диктатура довела ее до абсолютного рабства и молчаливства. Тем с большей готовностью предоставляем мы страницы нашего органа для информационных сообщений, подобных письму старого большевика. Это — не первое и, мы уверены, далеко не последнее из сообщений такого рода!

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экон. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича № 132, ноябрь-декабрь 1936 г.

Знамя России, № 1, Январь 1937.

Новая Россия, № 18 и 19.

L'Étudiant Socialiste, N° 3. Décembre 1936 et Janvier 1937.

Paul Vaillant-Couturier. Au service de l'esprit. Editions Sociales Internationales. Paris.

La Révolution prolétarienne, N° 237, 238.

Marxistische Tribune, Nr 6, Dezember 1936.

Que faire? Revue communiste. N° 25, janvier 1937.

Der Kampf. Internationale Revue. Nr 1. Jänner 1937.

Idée et Action. N° 5, décembre 1936.

American Socialist Monthly, December 1936, vol. 5, Nr 8.

Boris Nicolaievsky and Otto Maenchen-Helfen. Karl Marx.

Man and fighter. Methuen and Co. Ltd. London.

американское издание: J. B. Lippincot Company, Philadelphia.

B. Nikolajewsky. M. A. Bakunin in der «Dresdner Zeitung»

(Eine Episode aus der Geschichte des politischen Kampfes in Deutschland in den Jahren 1848/49). Оттиск из

International Review for Social History.

Fr. Adler. Le Procès de Moscou. Ed. «Nouveau Prométhée».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/12, 28/12, 13/1.

Отослано: № 1 и № 2. ??

НОВАЯ КНИГА :
Otto Bauer
**Zwischen zwei
Weltkriegen ?**
(Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus)

355 стр. Цена 20 франков

Заказы направлять в контору "Социалист. Вестника"